

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

МАТЁРЫЙ И СКОКАРЬ

Копье судьбы

Евгений Сухов

Матёрый и скокарь

«ЭКСМО»

2008

Сухов Е. Е.

Матёрый и скокарь / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2008 — (Копье судьбы)

Банда Матёрого промышляет антиквариатом. В этом деле без виртуозного вора-домушника, по-блатному – скокаря, не обойтись. Фомич как раз такой виртуоз. Именно ему Матёрый приказывает выкрасть из дома отставного генерала Саторпина уникальную реликвию. Если бы Матёрый знал, что Фомич – информатор подполковника-мента Волостнова, то отказался бы от этого дела. Но игра уже началась, и на кону стоят не только жизни ее участников, но и судьба страны...

© Сухов Е. Е., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Сухов

Матёрый и скокарь

Часть I

Требуется домушник

Глава 1

Мелочей не бывает

Посмотрев на часы, Матёрый не без досады отметил, что контактер опаздывает уже на девять минут. Непорядок! Сам виноват, разбаловал! Принимают доброе отношение за обыкновенную человеческую слабость. Не остается даже времени, чтобы поучить хорошим манерам. Придется потерпеть и сделать вид, что ничего не происходит.

Матёрый был среднего роста, склонный к полноте и, стараясь скрыть свой недостаток, предпочитал одежду темных тонов.

Контактер, высокий шатен в джинсовом костюме, появился через пятнадцать минут томительного ожидания. Проворно выбрался из белого «Шевроле» и, заблокировав двери, устремился по узенькой дорожке парка. Махнув рукой, он давал понять, что невероятно рад предстоящей встрече. Толстяк скупно выжал из себя улыбку – на отдаленном расстоянии ее можно было принять за знак добросердечного расположения.

Неделю назад был составлен подробный психологический портрет контактера. Он нагл, склонен к самолюбованию и считает, что осчастливил каждую даму, которая была с ним хотя бы однажды. Толстяк, осведомленный о его слабостях, умело подыгрывал, а тот, не замечая дешевого спектакля, старался сверкать оперением.

Впрочем, теперь это уже не имеет никакого значения. Сдержанно поздоровались. Протянув темно-коричневый кейс, толстяк сказал:

– Вот тебе расчет.

Взяв кейс, шатен попробовал его на вес. Неодобрительно произнес:

– Матёрый, мне казалось, что двадцать тысяч долларов будут весить значительно больше.

– Здесь ровно пятнадцать.

– А почему так мало? – разочарованно поморщился шатен.

– Один замок ты открыл, а вот со вторым не справился. Воспринимай это как штраф.

– Уверен, с этим замком никто бы не справился. Уж больно он заковыристый.

– Возможно... Но даже этих денег тебе вполне хватит, чтобы пару недель отдохнуть где-нибудь в Ницце с хорошенькой девушкой, например с Оксаной.

Лицо шатена расплылось в довольной улыбке:

– Вы и про нее знаете.

– Мы много о чем знаем, просто нет надобности обо всем говорить.

– Загадочно звучит. Ты мне так и не сказал, какую контору представляешь.

– Теперь это уже не важно... Не открывай, – предусмотрительно произнес толстяк, когда шатен сделал попытку распахнуть кейс. – Деньгами полюбуйся в машине, чего же ими светить понапрасну, тут ведь народ.

– Тоже верно.

– Ну что ж, – протянул ладонь толстяк, – желаю тебе успеха.

Крепко пожав руку, шатен сказал:

– Признаюсь честно, мне никто не отваливал таких денег за безделицу... Если будет какая-нибудь похожая работенка, так ты держи меня на примете.

– Буду иметь в виду, – легко согласился толстяк. – Ладно, живи, брателло...

Подхватив кейс под мышку, шатен скорым шагом направился к машине. Привычно вскинув руку с брелком, разблокировал сигнализацию и тяжело плюхнулся на водительское кресло.

Распечатав пачку сигарет, толстяк отошел под широкий клен к лавочке, в густую тень. Весьма удобное место для наблюдения.

Захлопнув за собой дверцу автомобиля, шатен положил кейс на колени и в приятном ожидании открыл крышку. Яркая вспышка, вырвавшаяся из распахнутого кейса, ударила в лицо и погасила сознание. Тело, опрокинутое на спинку кресла, тотчас занялось огнем.

Однако этого шатен знать уже не мог.

Самое время закурить. Затянувшись горьким дымом, он принялся наблюдать за «Шевроле». Уныло хмыкнул, когда шатен захлопнул за собой дверцу автомобиля. Остается только немного подождать.

Белое пламя, вырвавшееся из салона, раскидало вокруг себя осколки тонированного стекла, и машину объяло пламенем. Отшвырнув сигарету, мужчина вытащил из кармана мобильный телефон и равнодушным голосом произнес:

– Встреча прошла успешно. Ему будет о чем подумать.

Не дожидаясь ответа, сложил телефон и потопал по безлюдной аллее в глубину парка.

Глава 2

У вас предатель

В Лион Георгий Волостнов прибыл на поезде. Он не выносил самолетов, предпочитая потратить лишний день в пути, чем чувствовать себя заложником в руках слепого рока или чужой воли; а кроме того, железнодорожный вокзал Лиона находился в черте города, откуда можно было без труда добраться до Интерпола.

Это был его шестой приезд в Лион, и Георгий Волостнов не без удивления осознал, что привязанность к городу усиливается с каждой встречей.

Волостнов вышел из здания вокзала, осмотрелся – где-то здесь его должен был ожидать американский коллега Рональд Селеби. В Интерполе тот работал седьмой год, при двух последних генеральных секретарях возглавляя отдел по борьбе с коррупцией, и пользовался в аппарате немалым авторитетом. Даже как-то неожиданно, что в этот раз он решил лично встретить своего русского друга.

– Георгий! – услышал Волостнов за спиной громкий окрик.

Повернувшись, он увидел, как к нему прямо через толпу пробирался высокий человек, его широкий торс скрывала белая рубашка с короткими рукавами. Мощный, едва ли не на голову выше всех остальных встречающих, он напоминал огромный океанский лайнер, пробравшийся через утлые суденышки. Несмотря на свои внушительные формы, двигался Рональд на удивление изящно и легко, как могут перемещаться только отлично тренированные спортсмены. В молодости Рональд профессионально выступал за футбольный клуб. Наверняка и сейчас поддерживал форму где-нибудь в спортзале, с такими же отставными спортсменами, как и он сам. Во всяком случае, для своих сорока пяти лет он оставался в прекрасной форме.

Рональд Селеби был одним из немногих американцев, с кем Волостнов находился в приятельских отношениях. Все они были такой же впечатляющей комплекции, как и Рональд, и тоже наверняка бывшие спортсмены. Американцы любят ставить на руководящие места таких гигантов, как бы тем самым подчеркивая величие собственной нации.

Порой это раздражало.

Однако к Рональду это не имело никакого отношения. Он располагал к себе с первого же взгляда: широкая улыбка, доброжелательная манера общения, коммуникабельность и необычайная эрудиция.

– Рональд! – в ответ махнул рукой Волостнов и двинулся навстречу столь же решительно.

Георгий Волостнов был тоже роста немалого, однако не доставал своему американскому коллеге даже до бровей. Сошлись, как два океанских лайнера, – поприветствовали друг друга и направились одним курсом.

Рональд гостеприимно распахнул перед прибывшим гостем дверцу личного «Мерседеса», приглашая на переднее пассажирское кресло.

– Признаюсь, это для меня сюрприз, – посмотрел на друга Волостнов. – Я думал, меня встретит кто-нибудь из твоих клерков.

– Георгий, – почти обиделся Рональд, устраиваясь в кресле водителя, – ко мне приезжает такой большой друг, и я доверю встретить его кому-то другому?

– Где же большой? Я ниже тебя почти на полголовы!

Рональд довольно рассмеялся, уверенно выворачивая со стоянки, заполненной автомобилями.

– Жора, ты, как всегда, преувеличиваешь, у меня просто сегодня высокие каблукки.

Машина выехала с железнодорожного вокзала.

– Куда мы сейчас едем, в штаб-квартиру Интерпола? – спросил Волостнов.

– Знаешь, что я тебе предлагаю? Давай поедem на набережную Роны, туда, где мост Ля Фёие.

Георгий Волостнов понимающе кивнул. Мост Ля Фёие был любимым местом Рональда в Лионе. Особенно великолепен мост был вечерами, подсвеченный многочисленными огнями. Здания, стоявшие по берегам реки, казались утонувшими и светили из глубины вод желтым светом окон.

Неподалеку от моста размещался небольшой китайский ресторанчик, в который Рональд частенько захаживал. Хозяин, улыбочивый и очень маленький человек, всякий раз делал ему значительную скидку, и Волостнов всерьез подозревал, что старый хитрый китаец знает, что обслуживает весьма влиятельного комиссара Интерпола.

– В китайский ресторан? – уверенно предположил Георгий Волостнов.

– Нет... Давай лучше поговорим на мосту, – ответил Рональд, выезжая на набережную.

Волостнов понимающе кивнул. Китайский ресторан идеальное место для беседы, тем более если принесут жареную утку – любимое блюдо Рональда Селеби, но раз он отказывается от столь соблазнительного обеда, то, следовательно, у него на то имеются весьма существенные причины. Не исключено, что в ресторанные столики старого китайца понатыканы микрофоны, а Рональд, несмотря на свою бесшабашность, даже в мелочах оставался профессионалом.

В таком случае почему бы сразу не поехать в штаб-квартиру?

Машину оставили на платной стоянке, что находилась неподалеку от моста, и направились на набережную.

– Ты знаешь, кто основал Лион? – спросил комиссар Рональд.

Столь неожиданные вопросы были в характере американца. Порой создавалось впечатление, что он отрабатывает на собеседнике следственные приемы или, во всяком случае, хочет застать его врасплох. К подобной манере вести диалог следовало привыкнуть, а у Волостнова для этого имелось немало времени.

– Нет. Знаю, что в истории Лиона ты разбираешься, и в твоём лице город потерял хорошего гида.

– Если меня все-таки попрут со службы, то я буду знать, чем мне стоит заняться, – вполне серьезно ответил Рональд, увлекая своего собеседника к парапету.

Георгий посмотрел вниз – будто бы не вода течет, а расплавленный свинец, и только стая уток, торопливо юркнувших под мост, свидетельствовала о том, что это не так.

– Город Лион был заложен Мунацием Планком, полководцем Юлия Цезаря. Но мало кто знает о том, что тот был еще весьма одаренным полицейским и умел подавить бунт в корне. И знаешь почему?

– Поделись.

– Всюду имел своих осведомителей.

– Немудрено, мы и сейчас пользуемся подобными методами. Ты начинаешь как-то изда-лека... Может, ты мне скажешь, для чего меня решили вызвать в Генеральный секретариат? – Волостнов почувствовал легкое раздражение. – Ведь у нас имеется координатор, вы могли бы переговорить с ним, а он, в свою очередь, передал бы мне.

– Не все так радужно, Георгий, – произнес Рональд. – Я у тебя хочу спросить, а многие из твоих коллег знают, где ты в действительности работаешь?

– Мы действуем в порядке нашей договоренности. О том, что я работаю в Интерполе, не знает никто. Для всех я по-прежнему работаю в отделе убийств.

Рональд кивнул:

– А какую причину ты выбрал для отъезда?

– Выдумывать ничего не пришлось. У меня в Париже живет сестра, так что я отправился к ней.

– Я тебе завидую, – широко улыбнулся Рональд Селеби.

– Я сам иногда себе завидую. А теперь давай поговорим о главном, к чему такая скрытность?

– У нас есть кое-какие косвенные данные, что в Интерполе имеются уши.

– Поэтому ты привел меня сюда?

– Да.

– Неужели все так серьезно?

– Более чем... Главная наша задача – это борьба с международной преступностью. У нас есть основания полагать, что некоторые наши операции провалились потому, что о них было известно террористам. – Рональд немного помолчал. – Мы пока не знаем, на каком именно уровне происходит утечка информации, но осторожность не помешает.

– Понимаю. Рассказывай дальше.

– Так вот, сейчас в Европе очень активно проявляет себя одна экстремистская организация. По нашим данным, ее штаб-квартира располагается в Гамбурге. У нее весьма серьезные покровители, разбросанные по всему миру. Но корни организации находятся где-то в Саудовской Аравии. Где именно, сказать пока не можем.

– Понятно.

– У них имеются счета по всему миру, некоторые из них мы заблокировали, за другими установили тщательнейшее наблюдение. Пытаемся отследить всю цепочку финансовых потоков.

Георгий улыбнулся, было очевидно, что Рональд чего-то не договаривает. Он умело играл роль рубахи парня, но в действительности до мозга костей оставался полицейским и даже при общении с приятелями смотрел вприщур, как если бы всерьез сомневался в их благонадежности.

Поначалу такая манера разговора раздражает, но потом привыкаешь.

– Рональд, говори начистоту, чего ты все вокруг да около!

– Хорошо... Мы получили информацию о том, что в Москве объявилась банда, которая торгует предметами искусства.

– Но какое отношение она имеет к террористическому отделу? – хмыкнул Волостнов. – Мало ли кто чем торгует.

– А ты послушай, не торопись, – терпеливо заметил Рональд. – Начну с того, что эти люди хорошо осведомлены о том, какие произведения искусства пользуются большим спросом в Европе. У них имеются серьезные консультанты, отлажены каналы сбыта. И поэтому чаще всего они предпочитают работать на заказ. Столь же широкие связи у них имеются среди коллекционеров и разного рода уголовных элементов. Если кому-то в Европе нужна картина фламандцев или что-нибудь из русских авангардистов, то они просто узнают место, где может находиться шедевр, подбирают человека, который смог бы его похитить, а затем украденную вещь переправляют в Европу.

По реке проплывал прогулочный корабль. Отчего-то французы называют их «мушками». Низкий, белоснежный, в нем не было ничего от крылатого членистоногого. Возможно, суденышко было названо так потому, что было весьма небольшим. Однако пассажиров, что находились на палубе, совсем не тяготило подобное обстоятельство, и на крохотном суденышке они чувствовали себя почти как на собственной кухне.

Хороши эти «мушки» вечером, освещенные огнями, они напоминали надоедливых светлячков.

– Что же тебя так волнует? Обыкновенная контрабанда. Так контрабандисты действуют по всему миру.

– В том-то и особенность, что эти шедевры попадают не кому-нибудь, а террористам, которые, в свою очередь, перепродают их в Америку, в Аравию. Сейчас у эмиров мода на миро-

вые шедевры. Разумеется, эти деньги уходят в террористические организации. Значительная часть денег возвращается к вам в Россию в виде оружия. Нам известно, что у вас его немало!

– Это уж точно!

Волостнов проводил взглядом удаляющуюся «мушку». Юркнув под мост, кораблик спрятался в тени. Некоторое время была видна только белая корма с развевающимся национальным флагом, затем густая тень поглотила и ее.

В какой-то момент Георгий Волостнов позавидовал праздной публике – отвлечься бы от служебного долга да составить им компанию! Наверняка он сумел бы вписаться в разудалый коллектив, тем более что по палубе расхаживают скучающие красотки в узких бикини.

Сколько раз Волостнов давал себе обещание прокатиться на таком кораблике простым туристом и, позабыв на время про текущие дела, беспечно скармливать летящим за кораблем чайкам длинный батон. Однажды он даже купил на кораблик билет, но неожиданный звонок по мобильному телефону расстроил его первоначальные планы. Помнится, он даже оставил себе этот билет на память. Некоторое время он всюду попадался ему на глаза, напоминая о сорванном вояже, а потом был просто выкинут в мусорную корзину вместе с другим хламом.

Может, получится прокатиться в этот раз?

– Ты, видно, удивляешься, почему мы беседуем именно здесь?

– Разве что самую малость.

– У нас есть информация, что в вашем отделе имеется предатель.

Сказанное прозвучало настоящим откровением. Погасив нахлынувшие эмоции, Волостнов сдержанно произнес:

– Ах вот как... Почему же в таком случае вы не подозреваете меня?

– Я давно тебя знаю и успел понять, что такие люди, как ты, предателями не становятся. И потом... – пауза слегка затянулась, и это Волостнову не понравилось, – ты сам знаешь наши методы работы, никто из нас не воспринимает слова на веру. Я тебя не проверял, мне это ни к чему... Тебя простили другие. В то время, когда случилась утечка информации, ты находился в Лондоне, но то, что утечка произошла именно из вашего отдела, не вызывает сомнений.

– Что это была за операция?

– Из аэропорта «Шарль де Голль» в Москву должен был прибыть координатор. Мы следили за ним на протяжении последних месяцев, за это время он успел побывать в Саудовской Аравии, в Иране, в Бельгии, мы записали его разговоры, нам удалось засечь некоторых контактов. Именно из этих переговоров мы узнали, что в ближайшее время он направляется в Россию. Не могу сказать точно, для чего именно, но замышлялось нечто очень крупное, этот человек не занимается мелочами. И вот он вылетает в Россию, мы его провожаем, а там его должны встретить коллеги. Так вот, мы связались с нашим руководством, и он тотчас ускользнул от нашего внимания.

– И каким же образом?

– Зашел в здание аэропорта мужчиной, а вышел из него уже длинноволосой брюнеткой. В своем кейсе он всегда носит грим, к этому мы успели привыкнуть и даже как-то справлялись... Но никто из нас не подумал, что он может кардинально поменять свою внешность. Пока находился в туалете – сбрил бороду и усы! Возможно, мы бы не прокололись, но самое досадное заключается в том, что в это самое время у нас практиковались стажеры, и некоторых из них мы подключили к операции. Вот они и подвели.

– Обидно.

– Не то слово, – согласился Рональд.

– Но с чего ты взял, что в этом деле замешаны наши сотрудники? Не исключено, что он просто почувствовал слежку и ушел, ты же знаешь, какая у них у всех звериная интуиция!

Вдали показалась еще одна «мушка», столь же нарядная.

По губам Рональда промелькнула благодушная улыбка. Похоже, коллегу одолевали те же чувства; почему бы в таком случае в следующий раз не провести разговор на палубе судна?

Посмотрев вслед удаляющемуся кораблику заинтересованным взглядом, Рональд Селеби повернул к нему свое лицо, враз поскучевшее.

– Вот в этом-то все дело, Георгий. Незадолго до того, как он исчез, мы зафиксировали звонок на его мобильном телефоне. И знаешь, откуда он исходил?

– Просвети, – напряженно спросил Волостнов, уже предполагая самое худшее.

– Он исходил из вашего отдела, – печально произнес Рональд Селеби.

В лицо Волостнова ударил жар.

– Вы записали этот разговор?

– Сказано было только одно слово, на первый взгляд ничего не значащее, скорее всего, это был просто сигнал опасности. Вот он и отреагировал мгновенно. Скрылся!

– Вы установили, с какого именно места был звонок?

– Мы засекли только здание управления. Телефон был мобильный, и его использовали лишь один раз.

– Не исключено, что этот человек не работал в нашем ведомстве. Он мог зайти туда по каким-то своим делам, скажем, из другого управления, сам понимаешь, у нас многочисленные контакты. Просто случайно узнал нужную ему информацию и, не теряя времени, позвонил.

– Возможно, это и так. Мы уже обсуждали подобную версию, – согласился Рональд. – И все-таки вы должны принять меры к его обнаружению. Это человек очень высокого уровня.

– Я со своей стороны сделаю все возможное, – уверенно пообещал Волостнов.

– У нас с тобой уже давно выработались доверительные отношения, и поэтому я бы хотел поговорить с тобой откровенно. У меня возникла идея выйти на этих любителей старины. Через них можно выйти на координатора, а уже через него накрыть всю террористическую сеть в Европе.

– Идея хорошая.

– В последнее время группировки весьма активизировались, и у нас есть основания полагать, что все это происходит благодаря усилиям координатора.

– Как он выглядит?

– Внешность его нам неизвестна. Но роста он среднего, любит одеваться элегантно. Нам известно, что он страстный коллекционер и собирает русский авангард начала двадцатого столетия.

– Это уже кое-что.

– Если нам удастся внедрить в одну из этих групп своего человека, то мы сумеем отыскать и координатора. А уже через него выйдем на всю сеть. Что ты на это скажешь, Георгий? У тебя есть на примете такой человек?

– Тут нужно подумать... Значит, ты говоришь, что они взламывают квартиры коллекционеров и уносят полотна?

– Именно так.

– Следовательно, у них весьма неплохие связи в криминальном мире. Ты можешь назвать этих людей?

– Знаю только одного. Кличка у него Матёрый. Не исключено, что это производная от фамилии, но нужно выяснять. Во всяком случае, к нему обращались именно так.

– Как он выглядит, фотографии хоть есть?

– Фотографии заполучить не удалось, тут мы как раз очень рассчитываем на твою помощь.

Волостнов вздохнул:

– Прямо хочу сказать, данных немного. Но если он хотя бы привлекался или как-то засвечивался в наших органах, то у нас имеется вероятность его отыскать. Нужно будет обратиться к

коллегам, занимающимся произведениями искусства. Может быть, они что-нибудь подскажут. Но работы предстоит много.

– Я понимаю, Георгий, – кивнул Рональд. – Поэтому и обращаюсь к тебе.

– Они сами добывают антиквариат или, может быть, пользуются своими криминальными связями, кого-то нанимают? Это облегчило бы зону поисков.

– Могу тебе сказать, что они только получают заказ, а потом ищут конкретного человека под то или иное дело. В основном грабят из квартир.

Волостнов кивнул:

– Выходит, у них хорошие связи среди домушников. Во всяком случае, мы примерно знаем, в каком направлении следует двигаться. Опасное предприятие, домушники очень узкий круг. Они приятельствуют или наслышаны друг о друге. Пробрить мутного человека для них не составит большого труда. А уж тем более внедрить...

– И все-таки нужно попробовать, у нас нет другого выхода.

– Ну-у, выход всегда имеется, – неопределенно протянул Волостнов. – Впрочем, у меня есть один человек. С ним можно будет поговорить.

– Для внедрения нужны особые качества, он может не подойти, – осторожно заметил Рональд Селеби.

– Он из тех, кто любит различные авантюры, это одна из сильных черт его характера. Теперь важно, чтобы он согласился.

– Хорошо... А знаешь, давай следующую нашу встречу проведем вот на таком кораблике. Я уже несколько лет в Лионе, а ни разу на них не бывал.

Георгий Волостнов невольно расхохотался:

– А я ведь хотел предложить тебе то же самое.

– Это хорошо, что мы думаем об одном и том же, значит, будет толк.

Глава 3

Погоняло Матерый

Полковник Никифоров Назар Иванович возглавлял отдел по кражам произведений искусства и антиквариата. Про него можно было сказать, что он находится на своем месте. Это был тот редкий случай, когда работа являлась главным увлечением в жизни, даже нездоровой страстью, она заполняла все его временное пространство, не оставляя свободной щелочки даже для шашлыков в кругу друзей и чекушки водки где-нибудь в рюмочной; в какой-то степени служба заменяла ему даже семью. Во всяком случае, дом воспринимался им как место, где можно перекусить и лечь спать.

В милицию Назар Иванович попал случайно, как это нередко происходит с людьми талантливыми.

Окончив исторический факультет МГУ, он некоторое время работал в государственном архиве, где занимался тем, что систематизировал древние манускрипты. Причем он настолько преуспел в работе, что прослыл весьма серьезным специалистом, МВД не однажды консультировалось с ним по поводу произведений искусства, имевших криминальное происхождение. А вскоре его и вовсе зачислили в штат в качестве эксперта.

Как-то понемногу Никифоров приобщился к криминальной тематике, а когда через год он изъявил желание работать в органах на постоянной основе, никто не удивился принятому решению.

Его карьера складывалась на удивление благоприятно.

В последующий год после устройства ему поручили весьма запутанное дело о краже картин из Русского музея, и он сумел установить, что три полотна пятнадцатого столетия, находящиеся в запасниках, всего-то искусные подделки. Через месяц подлинники всплыли в Вене, а еще через две недели удалось выйти и на заказчиков ограбления.

Почти за двадцать лет, проведенных на службе в милиции, в его внешности мало что изменилось. Несмотря на седину, пробивающуюся на висках, он по-прежнему любил свободную одежду, никогда не застегивал верхнюю пуговицу на воротнике и оставался все тем же белобрысым студентом с растрепанной прической.

Главной отличительной чертой его характера являлась педантичность, она компенсировала некоторую вольность в ношении формы. Свой архив, наработанный за многие годы, Назар Иванович содержал в идеальном порядке, ни одно значимое преступление в сфере искусства не проходило мимо его внимания, и он продолжал скрупулезно пополнять базу данных, и без того весьма внушительную.

Свою встречу с полковником Никифоровым Георгий Волостнов согласовал заблаговременно. Несмотря на кабинетную занятость, застать его в управлении было делом нелегким. Он не чурался даже самой черновой работы, любил подолгу пропадать в архивах, выискивая доказательства для тех дел, которыми в данный момент руководил. Так что каждый его день был практически расписан по минутам.

Коротко постучав в массивную дубовую дверь, Георгий вошел в просторный кабинет. За длинным столом между двумя стопками книг в кожаных фолиантах просматривалась белобрысая голова полковника, склоненная над пергаментом. На макушке отчетливо выделялась светлая проплешина, которой он обзавелся с полгода назад.

Никифоров настолько был увлечен чтением, что даже не заметил вошедшего гостя. То, что рукописи старинные, было понятно даже неспециалисту. Очень хотелось спросить, что же они здесь делают? Но Георгий от вопроса удержался. Внешний вид, манера держаться и даже широкий стол, заваленный дюжиной редчайших фолиантов, свидетельствовали о том,

что Никифоров оставался все тем же музейным работником, которого лишь по оказии занесло в милицейское управление.

Однако впечатление разительно менялось, стоило Назару Ивановичу поднять глаза – пытливые, внимательные, контролировавшие каждое движение собеседника. От такого взгляда не могла укрыться даже мелочь, и только тогда становилось понятно, что на руководящей должности в управлении он оказался далеко не случайно.

Сдержанно поздоровались. Рука у Никифорова была широкой и мягкой – такую только под голову подкладывать вместо подушки.

Указав на свободный стул по правую руку от себя, Никифоров спросил:

– С чем пришел?

Вот так сразу, без каких бы то ни было вступлений. Никифоров вообще слыл в управлении человеком предельно конкретным и предпочитал не размениваться на долгие вступления.

Голос, громкий, резковатый, никак не вязался с располагающей, почти домашней внешностью. Такие интонации невозможно выработать при одном общении с редкими книгами, чувствовалось, что за плечами Никифорова весьма серьезная административная школа.

– Я у тебя вот что хотел узнать: в твоей базе данных имеется человек с погонялом Матерый?

– Матерый? – задумчиво протянул Никифоров. – Погоняло весьма распространенное. Чем он занимается?

– Нам известно, что его банда принимает заказы на произведения искусства, антиквариат. В основном грабят коллекционеров, но у нас имеются данные, что работают они и по музеям.

Никифоров понимающе кивнул и, прильнув к компьютеру, застучал по клавишам:

– Вот... С таким погонялом в моей базе данных три человека. Все они интересуются антиквариатом и живописью. – Повернувшись к коллеге, набрал ключевое слово. – Давай сейчас посмотрим, – щелкнул он кнопкой мышки.

Принтер, стоящий по правую руку, по-деловому загудел, быстро выбрасывая листы бумаги.

– Вот это выдержки из их досье, – поднял листы бумаги Никифоров, – на троих Матерых. А это их портреты. Можешь взглянуть, – протянул он бумаги Волостнову.

На первом листке был напечатан портрет старика, которому было далеко за семьдесят. Внешне приятен. Весьма благообразное лицо дополняла коротко стриженная седая борода, а внимательные глаза делали его похожим на научного работника. Георгий Волостнов давно уже подметил такую особенность: преступники, занимавшиеся кражей произведений искусства, поголовно имели интеллигентную внешность, как будто гармония, заложенная в предметах искусства, невольно распространялась и на самих грабителей.

Ну а этот и вовсе выглядел академиком!

Если не знать о его многочисленных ходах, которые в общей сложности перевалили двадцатипятилетний рубеж, то можно было бы предположить, что он возглавляет какой-то крупный научный центр.

– Звать этого человека Вельямин Егорович Обутов. Погоняло не одно, несколько! Как и у многих уголовников... Наиболее известные из них Матерый и Сохатый. В свое время он был отменным домушником, промышлял по квартирам коллекционеров. Кстати, неплохо разбирается в искусстве. Можно сказать, профессионал! Одно время в нашем управлении его использовали в качестве эксперта по живописи, за что впоследствии ему значительно скостили срок. По нашим оперативным данным, в настоящее время он от своего ремесла отошел и вряд ли отважится на какое-то крупное дело.

– На что же он тогда живет?

Никифоров сдержанно улыбнулся, что свидетельствовало о том, что его познания простираются куда дальше сказанного.

– В какой-то степени он ведь тоже коллекционер, собирает картины передвижников. На мой взгляд, в России у него самая значительная коллекция передвижников. Так что он человек весьма не бедный и в куске хлеба не нуждается. Думаю, к нему за консультацией обращаются и другие преступные группировки, за что он тоже получает свой пай. Но, как известно, за консультации у нас не сажают. Так что уличить его в чем-то противозаконном будет чрезвычайно нелегко.

– Он способен создать преступную группу?

Широко улыбнувшись, Никифоров произнес:

– Способностей-то у него хватает, вот только, слава богу, у него нет на это желания. А так у нас были бы весьма большие неприятности.

– Значит, эта кандидатура отпадает?

– Да. Ты можешь отложить фотографию в сторону.

Волостнов взял другой лист.

– Следующим у нас будет Игорь Матвеевич Степанский. Тридцать девять лет. Рецидивист. Погоняло Матерый, еще он известен как Кактус.

Вновь короткая бородка, правда, на этот раз она была смоляного цвета. Создавалось впечатление, что у специалистов по антиквариату растительность была в большом почете. Некоторой особенностью можно было назвать то, что подбородок у него был маленький, остро сужающийся; глаза расположены близко к переносице, отчего лицо приобретало какое-то хищное выражение. Взгляд пронзительный, острый – и это на фотографии! – можно только представить, какой пронизывающей силой он обладает.

– Впервые Степанский угодил за решетку в пятнадцать лет. Тогда он был обыкновенным кошуном, – при этих словах полковник брезгливо поморщился. – Святотатствовал, воровал цветной металл на могильных памятниках, затем сдавал его в цветмет, тем и жил. Потом резко поменял свою квалификацию.

Георгий Волостнов невольно подивился: «Вот ведь как бывает, оказывается, обыкновенный кошун, хотя его глаза говорят о более серьезном промысле».

– Отчего же он вдруг перестал кошунствовать?

– Тебе это может показаться какой-то мистикой, но когда Кактус с подельниками делил на балконе прибыль от награбленного, то невесть откуда, среди безоблачного неба, сверкнула молния и убила его приятелей. А самого Степанского только оглушило. Он пролежал с полчаса, а потом очнулся.

– Вот оно даже как.

– Потом я побывал на том балконе. – Никифоров гадливо сжал губы. – Жуткое зрелище! Представляешь, его приятели сидели рядом, так молния прошла через обоих. Порвала в клочья всю их одежду, вывернула наружу внутренности... Собственно, он тогда и получил свой первый срок. Потом каялся в милиции, уверял, что больше никогда не станет кошунствовать, но полностью от воровства отказаться не пожелал. В тот раз он вернул с десятков икон, что украл в местной церкви, пару дюжин распятий, хоругви, несколько панагий. Отсидев два года, он вновь вернулся к воровскому промыслу, но теперь его уже интересовали антиквариат и картины. В тюрьме он освоил квалификацию домушника и с отмычками навещался к коллекционерам. Сидел еще два раза, но сроки были небольшими.

– Почему?

– Нам удалось доказать только один эпизод ограбления, но в действительности их были десятки. Доказательств у нас не было, работал он по довольно простой схеме. Узнавал, кто какими вещами интересуется, принимал заказ на ограбление. Потом доставлял украденную вещь довольному заказчику, а после элементарно грабил и его.

– Почему же те не заявляли в милицию?

Полковник Никифоров рассмеялся:

– В этом-то и заключается главная хитрость, он грабил тех, кто был не в ладах с законом. А потом, ведь антикварные вещички доставались им криминальные. Кто же захочет понапрасну палиться!

– Значит, он?

Назар Иванович отрицательно покачал головой:

– Нет, эта кандидатура тоже отпадает. Сейчас он в Европе, в Париже. Косит под состоятельного бизнесмена с солидной репутацией. В Москве имеет свою картинную галерею, в которой выставляются весьма известные художники. Занимается продажей картин, в общем, не бедствует!

– Остается третий?

– Получается, что так. Кроме погоняла Матерый, у него есть еще два – Трубадур и Росомаха.

Георгий подцепил двумя пальцами портрет и положил его на стол.

Обычно, глядя на фотографию, Волостнов мог составить представление о человеке, и он совершенно не удивлялся, когда его личное впечатление всецело соответствовало психологическому портрету преступника, очерченному специалистами. В конце концов, долгие годы оперативной работы не пропали даром и научили оценивать человека только по одному случайно брошенному взгляду. Но сейчас Георгий Волостнов поймал себя на том, что совершенно не знает, что можно сказать о человеке, запечатленном на фотографии.

Правильнее было сказать, что он никакой!

Как оперативник среди прохожих. Попробуй, выдели его из общей массы!

Невозможно было даже предположить, какого он возраста. Совершенно незапоминающаяся наружность. Человек толпы. Ее органическая частица, без каких бы то ни было индивидуальных признаков. Шагнул в людскую массу и растворился в ней, как капля воды в полноводном потоке. И только при достаточно долгом изучении вдруг начинаешь осознавать, что это совсем необычный типаж. Скорее всего, он стилизован под среднестатистического гражданина. Так гончар лепит одинаковые кувшины, которые невозможно отличить один от другого.

Вот только возникает вопрос: зачем же ему нужно надевать на себя столь невыразительную личину? Даже у божьих коровок при длительном изучении можно распознать весьма значительные отличия. И чем пристальнее Волостнов смотрел на портрет, тем больше начинал понимать, что маска усредненного обывателя была надета намеренно.

Вот только для какой надобности такая маскировка?

– Почему его называют Трубадуром? – продолжал рассматривать портрет Волостнов, осознавая, что из всех троих он наиболее опасная фигура.

Никифоров невольно хмыкнул:

– Неожиданный вопрос. А больше ты ни о чем не хочешь спросить?

– Разве что позже.

– Трубадуром его прозвали потому, что он профессионально играет на саксофоне. Говорят, одно время даже подрабатывал в ресторане. Но это не самая главная его заслуга.

– Тогда какая же главная?

– Мы знаем о нем очень немного, и то по оперативным данным. Но он весьма высоко зарекомендовал себя в своей среде. Его группировка считается наиболее дерзкой в Москве. Работает он исключительно по антиквариату и произведениям искусства. Имеет весьма разветвленную сеть информаторов, среди которых немало коллекционеров. Нам известно, что он вращается в кругу политиков, многие из них страстные коллекционеры. Заказы на произведения искусства периодически поступают и от них. Некоторые из политиков настолько одержимы в собирании старины, что готовы рискнуть даже собственной карьерой. – Подняв карандаш, лежащий на столе, Назар Иванович покрутил его в ладони, после чего сделал неожиданное признание: – Мое такое мнение, если детально покопаться, то можно отыскать ком-

промат на любого политика и чиновника самого высокого ранга, собирающего произведения искусства. Некоторые из них просто ищут людей, способных достать для них вожаделенное полотно. Причем они прекрасно осознают, что оно может иметь криминальное происхождение. Другие намекают на то, что хотели бы иметь у себя в особняке что-нибудь эдакое, третьи вынуждают коллекционеров расстаться с понравившимся шедевром. Подчас дело доходит даже до угроз.

Волостнов кивнул:

– Понятно. А все-таки что можно сказать о самом Трубадуре?

– Мы давно хотели на него выйти, но вот беда, не знаем даже, как он выглядит. Этот портрет не что иное, как фоторобот. Мы даже не знаем, правильно ли он смонтирован. Его группа очень закрыта, к себе они никого не допускают. Разве что по очень солидным рекомендациям. Но таковых у нас просто нет на сегодняшний день... Не однажды мы пытались внедрить к нему своего человека, но у нас ничего не получилось. Вот этот портрет, – двинул Никифоров вперед фотографию, – результат нашей оперативной разработки. Человека, сумевшего описать его, через два дня нашли в подъезде собственного дома с простреленным черепом.

Волостнов вскинул глаза на полковника.

– Мне можно забрать этот портрет?

– Бери, – легко согласился Никифоров. – Хотя, честно говоря, я и сам до конца не уверен, а тот ли это человек, которого мы так старательно разыскиваем. Предположим, это и он. – Теперь полковник Никифоров держал карандаш обеими руками, Георгию Волостнову показалось, что полковник переломит карандаш, но тот бережно поставил его в пластиковый стаканчик. – Но где гарантии того, что он не изменил себе внешность? Например, он может надеть парик, отрастить волосы, изменить форму носа. Такие люди горазды на всевозможные превращения. Вот тебе еще и папка. Думаю, пригодится.

Волостнов аккуратно уложил лист бумаги в папку, после чего положил ее в портфель.

– У тебя есть какие-нибудь соображения, как выйти на этого Трубадура?

Никифоров печально вздохнул.

– Соображений-то хоть отбавляй, вот только результатов пока нет. Хочу сказать так: если человек ему нужен, то он всегда найдет его сам. Через своего оперативного источника я получил информацию, что сейчас он нуждается в очень хорошем домушнике. Было несколько человек, которых он опробовал, но никто из них не подошел. Если подсунуть ему такого домушника, тогда, думаю, у нас имеется некоторый шанс к нему приблизиться. У тебя есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

– Имеется кое-какая идея, но об этом пока еще рано говорить.

Полковник лишь усмехнулся:

– Секретничаешь? Так я не в обиде.

Глянув на часы, Волостнов озабоченно произнес:

– Ох ты, время поджимает! Надо идти!.. Спасибо за консультацию. Даже не знаю, что бы я без тебя делал.

– Да ладно, о чем разговор, – лениво отмахнулся Назар Иванович. – Если возникнут какие-то вопросы, не тяни, дай знать. Всегда готов помочь. Мне самому интересно знать, что это за Трубадур.

Глава 4

Прирожденный домушник

Почти восемь часов утра, время раннее. Но город уже ожил.

Георгий Волостнов подошел к высотке и посмотрел на окна девятого этажа. Свет горел в гостиной. Наверняка Кирилл Глушков смотрел очередной футбольный матч, потягивая пиво прямо из горлышка бутылки. Ноги в туфлях, по обыкновению, заброшены на пуфик – Фомич не утруждал себя условностями и мог взобраться на кровать даже в сапогах.

Женщин, с которыми ему довелось делить кров, подобная привычка раздражала. Ни одна из них не могла прожить с ним более полутора месяцев и, прежде чем хлопнуть на прощание дверь, едко высказывалась, что не желает быть служанкой.

Ни одну из женщин Фомич не пытался удержать, тем более не собирался менять ради них устоявшиеся привычки, старался жить в свое удовольствие, понимая, что не пройдет и трех дней, как в его квартире появится другая, которой впору будут женские тапочки, оставленные у порога одной из его многочисленных подруг.

В этот раз он жил с девушкой по имени Анастасия – своенравная натура с лицом ангела. Волостнову было известно, что познакомился он с ней недавно, в небольшом уютном баре недалеко от дома. И после трех свиданий, на которых они просто бродили по городу, держась за руки, привел в свою холостяцкую квартиру.

О своей прошлой жизни Кирилл Глушков не рассказывал ни одной из женщин, но о том, что с ним происходило в молодые годы, они могли догадываться по многочисленным наколкам, щедро украшавшим его тело.

Дважды Волостнов по-приятельски заходил к Кириллу в гости – хотя какие приятельские отношения могут существовать между опером и домушником! – и оба раза ему открывала дверь Настя. По тому, как болезненно поджимались ее губы, было понятно – женщина догадывается о том, что он не только приятель ее сожителя, пришедший поболтать за бутылкой водки о пустяках, а еще нечто вроде наставника.

Однако неудовольствие не выражала.

В этот раз встречаться с Настей отчего-то не хотелось. Через минуту-другую она должна была выпорхнуть из подъезда и направиться к своему автомобилю, припаркованному недалеко от дома на платной стоянке.

Георгий Волостнов посмотрел на часы. Время поджимало. Если Анастасия и дальше будет так медлить, то может опоздать на работу.

Вдруг дверь широко распахнулась, и на тротуар, завязывая на ходу длинный пояс, в легком синем плаще выскочила Анастасия. На какую-то минуту он задержал на ней заинтересованный взгляд – плащ не сумел спрятать ее длинных ног. Если говорить начистоту, то ничего в этом Фомиче нет, а бабы льнут к нему, как сексуально озабоченный гарем к похотливому падишаху. Может, вместо одеколona он опрыскивает себя какой-то возбуждающей химией? Говорят, женщины весьма чувствительны к запахам.

Георгий проводил девушку взглядом до угла дома. Затем, отшвырнув окурок сигареты, направился в подъезд.

Скорым шагом поднялся по лестнице и остановился рядом с небольшой металлической дверью.

Волостнов отчего-то полагал, что у домушников дверь должна напоминать крепостные ворота перед взятием штурма. Но в действительности перед ним была вполне заурядная дверь с одним простеньким замком. Для домушника не составит большого труда вскрыть ее. Может, Кирилл Глушков не снабжал ее дополнительными запорами, зная, что, окажись в том нужда,

его цитадель вскроют, как банку с помидорами. А так, глядя на незащищенную дверь, каждый понимал, что, кроме голодных тараканов, в комнате ничего быть не может.

Волостнов надавил на кнопку звонка.

В глубине коридора послышались неторопливые шаги и недовольный голос прогудел:

– Опять ты что-то забыла? Настя, вспомни, ты хоть раз ушла, чтобы не возвращаться? – Сначала о косяк ударила металлическая цепочка, сорвавшись, затем вжикнула щеколда. – Вот я, честно говоря, не помню.

Волостнов невольно улыбнулся. Половина женщин, не дослушав подобную тираду, утопали бы навсегда прочь, а от Фомича они готовы были сносить куда более крепкие упреки.

Чем же он их так околдовывает?

Дверь открылась.

Перед ним предстала заспанная физиономия Фомича, притом изрядно помятая. Такое впечатление, что вместо подушек он использовал груды кирпичей. Некоторое время он непонимающе рассматривал Волостнова, видно, принимая его за продолжение ночного кошмара, и, желая отделаться от сонных иллюзий, попытался захлопнуть дверь, но башмак Волостнова, вовремя подставленный в проем двери, заставил Фомича разочарованно поморщиться: «От этого парня просто так не отделаешься!»

И, уже примирившись с неизбежностью, вылепил на лице нечто похожее на любезность:

– Проходи... Признаюсь, не ожидал.

– Не очень-то ты гостеприимен.

– Просто не выспался.

Кирилл устроился на диване, закинув ногу на ногу, Волостнов уселся в кресле, столь же мягком. Некоторое время они рассматривали друг друга, и когда пауза грозила перерасти в неприличное молчание, Фомич хмыкнул:

– Так чем обязан?

– За тобой должок, ты не забыл? – весело поинтересовался Волостнов, как если бы речь шла о чем-то самом обыкновенном.

Кирилл откинулся на спинку дивана.

Странное дело, но его рубашка и брюки были одного цвета с обивкой – такое впечатление, что он намеревался мимикрировать или хотя бы на какое-то время спрятаться от пронизывающего взгляда.

Не получилось.

На фоне темно-коричневой обивки его лицо выделялось недоуменным белым пятном.

– Не забыл. И вообще, как такое позабудешь!

– Вот и славно, – бодро произнес Волостнов, – самое время вернуть должок.

Фомич прокололся два года назад, когда вскрыл квартиру одного влиятельного ресторатора. По мнению ресторатора, замок был надежным, куплен по случаю на одной международной ярмарке в качестве эффективного средства против домушников. Но вот только откуда ему было знать, что аналогичный запор уже полгода продавался в России, и Кирилл успел разобрать его по винтику, воспринимая как дорогую, но совершенно бесполезную игрушку.

Все произошло до банального просто. Во время ограбления Кирилл опирался о косяк, разыгрывая из себя алкаша, пытавшегося отклеиться от стены. Этого времени ему оказалось вполне достаточно, чтобы вскрыть два замка и пройти в квартиру бизнесмена.

Когда оперативная группа приехала на квартиру, то впала в недоумение. На первый взгляд домушник не оставил никаких следов, и, только тщательнейшим образом исследовав предмет за предметом, Волостнову удалось обнаружить на бутылке из-под «Кока-колы» отпечатки пальцев. Бутылку отдали в лабораторию, а уже на следующий день определили владельца пальчиков.

Им оказался его подшефный, талантливый домушник Кирилл Глушков.

Домушник имел забавную привычку: как только он вскрывал квартиру, тотчас направлялся к холодильнику и лакомился разнообразными яствами.

На следствии обворованный ресторатор утверждал, что у него были украдены два золотых кольца с бриллиантами и одна брошь с изумрудами на семь каратов.

Весьма редкая вещь!

В первую очередь он умолял отыскать именно ее и обещал, что старания всей оперативной группы будут по достоинству вознаграждены. Но за два дня до ограбления ресторатора Георгий Волостнов получил информацию о том, что бизнесменом были приобретены три картины фламандской школы, которые год назад пропали из музея живописи в Лионе и в настоящее время усиленно разыскиваются Интерполом.

О своем выгодном приобретении известный ресторатор не обмолвился и словом, и можно было утверждать, что он прекрасно знал о криминальном происхождении картин. И по-своему желал выяснить их дальнейшую судьбу.

В этот же вечер Георгий Волостнов пришел на квартиру к Фомичу и, разложив перед ним фотографии с отпечатками пальцев, сказал, что точно такие же пальчики обнаружили на бутылке из-под «Кока-колы», которая в пластиковом пакете с соответствующей надписью теперь находится в сейфе его кабинета и терпеливо дожидается своей участи. Судьба этой улики, а вместе с тем и участь человека, который оставил на ней отпечатки своих пальцев, зависит от того, как сложится у них дальнейший разговор.

Выслушав оперативника, Кирилл дал слово, что вернет должок по первому же требованию, если он сумеет замять дело. Расписку, связывающую по рукам авторитетного домушника, Волостнов не взял. Однако он ни на секунду не усомнился в том, что долг будет погашен при первом же требовании. Фомич до мозга костей оставался вором, а потому данное слово держало его за кадык крепче всякой удавки.

И вот теперь срок настал.

Чуток выждав, Фомич спросил:

– Что же я должен сделать?

Волостнов невольно усмехнулся:

– Ничего такого, чего ты не делал прежде. Ты ведь у нас в завязке? – Фомич глубокомысленно молчал. – Так я и думал. Постарайся вскрыть две серьезные хаты, на которые, кроме тебя, никто бы не отважился. И пусти об этом слухок. Особо не прячься, пусть тебя найдут те, кому ты нужен. А уж когда они тебя найдут, так дадут наколку на стоящую хату.

В голосе Фомича послышалось заметное облегчение.

– И это все?

– Не совсем... Когда тебе предложат работу, то ты не должен отказываться. Для вида немножечко поупрямься, а потом соглашайся.

– Что это будет за хата?

Тон привычный, вполне обыкновенный, как если бы уже обсуждались детали с предполагаемым заказчиком.

– Вот это мы бы и хотели выяснить.

– Тогда еще один вопрос: что за люди на меня выйдут? Просто не люблю работать втемную.

– Мы бы тоже хотели это знать и очень надеемся, что ты нам об этом расскажешь. Так что держи меня в курсе.

– А если я откажусь?

– Ты же давал слово вора. Может быть, ты им перестал быть? – Фомич молчал. – Тогда расскажи мне, когда это произошло. Я бы хотел посочувствовать.

– Жора, ты мент... Если я расскажу людям, как ты вырвал из меня слово, то они поймут меня. С твоей стороны было давилово!

– Вот как ты заговорил, – задумчиво произнес Волостнов. – Люди и вправду меняются. Я тебе никогда не говорил об этом, но, видно, пришло время сказать... Вместе с теми безделушками, которые ты вытащил у ресторатора, пропали еще три картины голландских мастеров. Приблизительная стоимость каждой из этих картин составляет три миллиона долларов. Собственно, именно поэтому ресторатор и написал заявление. Мы располагаем информацией, что он по-прежнему пытается отыскать наглеца, лишившего его целого состояния. Можно только предположить, что будет с домушником, когда он будет найден... Все забываю спросить, на какие деньги ты живешь? Может, ты все-таки слышал что-нибудь об этих картинах? – Кирилл подавленно молчал. – А я вот кое-что слышал. Три месяца назад поступила информация о том, что эти картины неожиданно всплыли в Швеции и попали в частную коллекцию одного уважаемого медийного магната. Всем хорошо: тому, кто продал, коллекционеру, заполучившему полотна. Плохо только ресторатору, у которого они были украдены. А уж он, если узнает, кто украл у него эти картины, обязательно отвернет ему голову. Так что я тебе не завидую. Ну, я еще раз хочу услышать, более конкретно, что ли... Я могу рассчитывать на твою помощь? – В этот раз голос Волостнова прозвучал угрожающе.

– Да, – выдавил из себя Фомич.

– Вот и отлично, – сказал Волостнов, поднимаясь. – Вижу, что водки мне не предлагают, значит, мой визит подошел к завершению.

– Когда они должны на меня выйти? – угрюмо спросил Фомич, как будто его в самом деле сжимала удавка.

– Думаю, сразу после того, как ты вскрыешь серьезные хаты.

– А меня за эти хаты не закроют... твои коллеги?

– Не закроют... Обещаю! Но на рожон лезть не стоит, нужно действовать с умом. Как только они выйдут на контакт с тобой, сразу дашь мне знать об этом. Договорились?

– Договорились.

– А знаешь, я тебе завидую, – произнес Волостнов, – вокруг тебя все время вертятся такие молоденькие красотки! Чем ты их берешь?

И, не дожидаясь ответа, вышел на лестничную площадку.

Глава 5

Опасное предложение

Порывистый ветер сорвал с темечка бейсболку и покатил ее по мощеной мостовой. Затем, явно потешаясь над подошедшим, приподнял ее высоко в воздух и с легкостью зашвырнул за высокую изгородь соседнего строения.

«Пропала вещица!» – едва не крикнул с досады Кирилл.

Скверная погода. Не самая подходящая, чтобы вести наблюдение. Ветер выдался на редкость пронизывающим. Был неугомонным и злым, охальником трепал полы одежды немногих прохожих. Подняв воротник, Кирилл Глушков прошел в глубину двора, присел на небольшую узенькую скамейку и с аппетитом закурил – отсюда просматривался весь двор, с его самыми дальними закоулками, люди, входящие и выходящие из подъезда, а через редкую листву стоящего неподалеку клена были видны окна нужной квартиры.

Кирилла интересовали два угловых окна, расположенных на четвертом этаже пятиэтажного кирпичного строения. В вечерний час, задернутые плотными шторами, они выглядели едва ли не зловеще, напоминая норы, – верный признак того, что хозяева отсутствуют. Квартира пустовала уже четвертый день, и у Кирилла были основания полагать, что владельцы не появятся и в нынешнюю ночь. Во всяком случае, их старенький «Мерседес» нашел прибежище на ближайшей стоянке, а хозяин расплатился за место на две недели вперед.

В глубине двора ветер умирал, создавалось впечатление, что там господствовала тишь и царил покой.

Кирилл повертел головой – и впрямь никого. Кто сказал, что ночь грешна? Вот она, молчаливая и непорочная, как невеста, стоящая перед алтарем.

Придется это дело немного подправить. Швырнув потушенную сигарету в темень, Глушков проследил за тем, как окурок, проделав сложные кульбиты, упал под ствол сирени. Уверенно поднявшись, он направился к подъезду.

Дверь подъезда неожиданно распахнулась, и из него, прижавшись плечами, выбежала жизнерадостная молодая пара, проскочила мимо, о чем-то энергично переговариваясь. Наверняка влюбленные, нетрудно предположить, что впереди у них романтический вечер, а то и блудная ночь.

Как-то завидно!

Подождав, пока молодежь свернет за угол, Кирилл Глушков подошел к подъезду. В его внешности не было ничего запоминающегося, самая что ни на есть заурядная: худощавый, долговязый, чуть сутулый. На такую наружность даже смотреть лень. И уж тем более он не выглядел зловещим: в правой руке небольшой чемоданчик, какой можно встретить разве что у сантехника. Левая рука оставалась свободной.

Остановившись у двери, он набрал нужный код. Когда прозвенел негромкий и продолжительный зуммер, известивший о том, что дверь разблокирована, он потянул за ручку и шагнул в подъезд.

Вошедшего тотчас окутала вечерняя прохлада. Ветер, оставшийся за пределами толстой кладки, был позабыт.

Поднявшись на четвертый этаж, Кирилл повернулся к противоположной двери спиной. В искаженной видимости, что давала дверная оптика, он будет выглядеть хозяином квартиры, раньше времени вернувшимся из длительной командировки: фигурой он был его точной копией, а в довершение образа Глушков даже подобрал одежду, которую тот предпочитал. Да и в профиль они были весьма схожи. Так что даже не было никакой нужды замазывать смотровые щели соседних квартир, что могло вызвать только настороженность и подозрение.

Замок, что предстояло открыть, Кирилл зачислил в категорию средних. Ключ представлял собой длинный прямой штырь из крепкого металлического сплава, с многочисленными насечками и выемками, сработанными под разными углами. Подразумевалось, что такой способ сделать только настоящий профессионал, каких на всю Москву не наберется и пяти человек. Даже если злоумышленнику удастся выточить подобающую отмычку, то сразу отомкнуть дверь ему не удастся и придется долгое время топтаться у порога. А уж там его непременно кто-нибудь заметит.

Замок-то неплох, вот только против всех этих французских ухищрений отыскался весьма остроумный способ – следовало залить в отверстие расплавленный парафин, который уже через несколько минут принимал очертания ключа со всеми многочисленными бороздками, а дальше оставалось воткнуть в него металлический штырь и повернуть. Замок мгновенно открывался, приняв обманку за родной ключ.

Парафин в замочную щель Кирилл залил пятнадцать минут назад, тиснув в него не менее двадцати кубиков. После чего он вышел во двор выкурить пару сигарет – времени вполне достаточно, чтобы парафин заполнил все свободное пространство и проник в малейшие отверстия.

Теперь осталось последнее...

Вытащив из кармана небольшой прут, Глушков сунул его в замочную скважину и плавно повернул. Замок приветливо щелкнул. Он усмехнулся, определив в его звучании какие-то зло-радные интонации. В какой-то момент Кириллу хотелось верить, что замок действует заодно с ним. Чего только не почудится, когда хочется проникнуть в квартиру!

Уверенно, как сделал бы на его месте хозяин, он перешагнул порог, плотно закрыв за собой дверь. Достав карманный фонарик, осветил им прихожую.

Кирилл не однажды замечал, что каждая квартира пахнет по-своему. Дух исходил со стен, которые на протяжении многих лет выступали в качестве коллекторов, впитывая в себя запахи кухни, духов, одеколонов и даже пота жильцов. Вот эта смесь из многих запашков и составляла своеобразный слепок квартиры.

Странное дело, но Кирилл Глушков помнил запах каждой квартиры, в которой побывал, пусть даже очень непродолжительное время. Все эти запахи сидели у него в подсознании, как пчелы в своих сотах. Приведи его с закрытыми глазами в одну из таких квартир, и он безошибочно бы сказал, когда именно он нанес сюда визит.

Кирилл невольно принохался.

Несмотря на долгое отсутствие хозяев, квартира продолжала нести в себе запах его обитателей: сладковатый, чуток замешанный на горчинке. Он свидетельствовал о том, что здесь проживала женщина лет тридцати. Причем весьма успешная. Они всегда благоухают. Следовательно, здесь есть что поискать.

В сладковатую смесь самым ненавязчивым образом добавлялся терпкий запах, замешанный на дорогом одеколоне и крепких напитках. Так могут пахнуть только благополучные мужчины, кичащиеся своим немалым положением.

Это лишний раз доказывает, что он на правильном пути.

Миновав прихожую, Кирилл Глушков прошел в комнату. Фонарный луч скользнул по старинному комоду, наверняка являвшемуся предметом гордости хозяев, бегло прошелся по противоположной стене, вырвав у темени два цветочных горшка, стоящих на подставках, и цветастый диплом, помещенный под стеклом в рамку из букowego дерева. Всего-то деталь, но она лишний раз свидетельствовала о том, что обладатель не лишен честолюбия и весьма дорожит парадной стороной признания.

Интересно, за что же его поощрили?

Световое пятно обломалось на буковой рамке и острым расплывчатым краешком скользнуло на шкаф, рельефно выпятив шероховатую поверхность.

Печать весьма солидная. Да и не одна!

В углу бумаги имелась еще одна, столь же весомая. Три корявые подписи. Ах вот оно что, прошел курс менеджмента в Принстонском университете. Возможно, на большую часть его гостей подобный сертификат действует впечатляюще. Если отсутствуют более существенные заслуги, то можно показать и эту бумагу.

Интересно, где этот пижон хранит свои драгоценности? Наверняка за предметом, который ему столь дорог. Все эти хозяева похожи друг на друга, достаточно понять психологию одного, чтобы с большой достоверностью судить обо всех остальных.

Приподняв рамку, Кирилл увидел небольшую дверцу, покрашенную под цвет обоев. Так оно и есть! Замок простенький, его можно открыть заурядной отмычкой. Открыв саквояж, Кирилл Глушков достал из него стальной прут с небольшим крючком на самом конце. Пропустив в замочную скважину, он несколько раз провернул его, пытаясь отыскать крохотные запоры. Наконец ему это удалось. А вот теперь всего лишь небольшой поворот вправо, и замок, сухо щелкнув, открылся.

Кирилл посветил фонариком в глубину сейфа. И тотчас у противоположной стенки белым костром полыхнули камни. Так сверкать может только один камень на земле – алмаз! Свет, преломившийся на его многих гранях и в глубине кристалла усиленный многократно, выпустил из своего углеродистого нутра настоящее сияние.

Собственно, за это алмаз и ценят.

Весьма неосторожно прятать столь драгоценную вещь под таким хлипким замком.

Кирилл Глушков бережно поднял колье. Оно показалось ему на удивление тяжелым. Только всмотревшись, он обнаружил, что каждый камушек был аккуратно вправлен в платину. Кирилл отметил, что за все то время, пока он промышляет воровским ремеслом, ему впервые удалось заполучить столь дорогую вещь. На колье хотелось взирать бесконечно долго, любоваться огнем, что зарождался внутри камня. А вот это было чрезвычайно опасно, потому что терялся счет времени.

На его памяти был случай, когда один из домушников, заглядевшись на камни, не услышал, как пришли хозяева, за что поплатился здоровьем.

Следовало уходить, интуиция подсказывала Кириллу: вряд ли он отыщет что-либо ценнее того, что так приятно оттягивало карман, пусть даже он перероет всю комнату. Это был некий подарок судьбы, а подношения следовало ценить и не гневить судьбу. Иначе воровской бог может отвернуться.

Домушник направился к выходу: мельком посветил в соседние комнаты, мимоходом отметив великолепие убранства. Ничего особенного. Теперь увиденное воспринималось всего-то как красивая картинка и ничего более.

Потопал себе дальше, окончательно позабыв о том, что увидел.

Приблизившись к двери, постоял некоторое время, вслушиваясь в тишину, и, убедившись в абсолютном безмолвии, уверенно открыл дверь.

Его встретила все та же прохлада, которая, казалось, остужала не только разгоряченное лицо, но и кипевший от напряжения мозг.

И все-таки в этот раз что-то было не так. Полное впечатление того, что каким-то странным образом деформировалось окружающее пространство, выпуская через покореженные составляющие импульсы опасности.

За время долгой работы Кирилл привык доверять своим ощущениям. Следовало как можно дальше уходить от стремного места. Надвинув кепи на самый лоб, он вышел на лестничную площадку и вразвалочку, как это сделал бы на его месте истинный хозяин, принялся спускаться по лестнице. Сделав первые несколько шагов, он вдруг осознал, что топает прямоком навстречу искривленному пространству. Всего каких-то несколько шагов, и он окажется в его эпицентре.

Так оно и случилось!

Где-то треснули грани, скреплявшие покореженное пространство, и через трещины случился сильнейший выброс энергии, который охолодил ему правый висок. И прежде чем Фомич осознал, что это ствол пистолета, послышался спокойный и уверенный голос:

– Не дергайся, если не хочешь, чтобы тебе вышибли мозги!

По тому, как он прозвучал – спокойно и одновременно холодно, – стало понятно, что так оно и будет в действительности. Такой голос, лишенный каких бы то ни было интонаций, мог принадлежать только профессиональному убийце, для которого давно утратила всякий смысл человеческая жизнь. Всего-то рядовая работа, которая мало чем отличается от искусства повара, готовящего кусок кровавого стейка для привередливого клиента.

Мышцы помимо его воли напряглись, нервы натянулись, теперь он представлял собой натянутую пружину – импульсы от вибрации его нервов были слышны далеко за пределами подъезда.

Если бы его хотели устранить, то сделали бы это в следующую секунду, не приставляя ствол к черепу. Следовательно, им от него чего-то требуется, а если это так, то существует неплохая возможность для торга.

Важно не совершать резких движений, которые киллер может воспринять как откровенную угрозу.

– И не собираюсь, – постарался произнести Кирилл спокойным размеренным голосом. Получилось. Интонации были столь проникновенны, что у всякого, кто бы их услышал, невольно должна была возникнуть мысль, что большего миролюбца он не встречал. – Что вам нужно?

Ему очень хотелось повернуться, но весь его жизненный опыт взывал к тому, что делать этого не следует. Сам он обязан превратиться в одно большое ухо и слушать малейший звук, исходящий от человека с пистолетом.

– Немногое, – произнес все тот же вдумчивый, даже ленивый голос, нарочито растягивающий каждый слог.

Такое впечатление, что ему не было никакого дела до того, что они стояли в самом центре хорошо освещенной лестничной площадки и через дверные глазки за ними могли наблюдать жильцы.

Отчаянный парень!

В случае возможной опасности, у киллера вполне хватит времени на то, чтобы выпустить из него мозги, с невозмутимым видом спуститься вниз и юркнуть в припаркованную машину.

– Я вас слушаю.

– Для начала давай спустимся на пролет ниже. И предупреждаю, я не люблю неприятных сюрпризов, и, как только замечу неладное, сразу стреляю без предупреждения. Считай это деловым предложением.

– Я все понял, – ответил Кирилл с некоторым облегчением.

– Вот и славно!

Чуть позади о мраморную поверхность шаркнула ступня – неизвестный отступил в сторону и тотчас убрал пистолет с виска.

– Не поворачивайся, – предупредил он. – Небольшими шажками, держась правой рукой за поручни, спускайся на пролет. Становишься лицом к стенке. Меня вовсе не радует перспектива ступать по раскинутым мозгам. Но если ты все-таки дернешься... я их тебе вышибу, – предупредил все тот же морозный голос.

– Не нужно говорить дважды, – заверил Кирилл. – Я всегда был послушным мальчиком.

– Тем лучше!

Повернувшись спиной к неизвестному, Кирилл почувствовал наведенный в него ствол. Глушков мог бы даже сказать, в какую именно точку он был направлен – в левую лопатку, в то самое место, где располагалась предсердие. Холодок, зародившийся где-то под ребрами,

мгновенно распространился по всем конечностям, на мгновение парализовав волю. Но уже в следующую секунду Кирилл Глушков почувствовал прилив энергии и сделал первый, весьма неохотный шаг.

Недавно поднимаясь по лестнице, Кирилл абсолютно точно запомнил, что каждый пролет был хорошо освещен. Сейчас он был темен, а тот тусклый свет, что еще присутствовал, исходил из верхнего этажа, освещая часть стены и лестницу.

Следовательно, о полумраке киллер позаботился заранее. Вывернув лампочку, он затаился на лестничной площадке и, уподобившись пауку, терпеливо поджидал свою жертву.

А если это действительно так, то те люди, что вычислили его в подъезде, уже давно ведут за ним скрытое наблюдение. А следовательно, знают о каждом его шаге и каким-то образом предвидели, что он отправится на дело именно в эту квартиру.

Спустившись на пролет, Кирилл уткнулся лицом в стену. Услышал, как человек, спускавшийся следом, предусмотрительно остановился в двух шагах от него.

Дистанция убойная. Особенно не побалуешь.

От стены дохнуло свежей краской. Отчего-то запах показался Кириллу особенно переносимым. Но выбирать не приходилось, оставалось терпеть.

Прошла минута, но неизвестный почему-то молчал. Ничего нового киллер не придумал, всего-то одна из форм подавления, которая заставляет жертву подумать о собственном бесправии; подобная мысль ожесточает сознание, парализует волю. Дескать, как ни колоти лапками, а крепкая паутина будет стягивать конечности до тех пор, пока наконец не омертвеет все тело.

Кирилл Глушков чувствовал, что человек, стоящий за его спиной, не только созерцает его полукруглый затылок с гладко зачесанными волосами, но в какой-то мере осознал свою абсолютную власть над ним. Возможно, именно в этот самый момент он испытывал нечто похожее на внутреннюю борьбу – нажать на спусковой крючок или все-таки продолжить прерванный диалог.

Следовало отвлечь его от дурных мыслей. И Кирилл произнес первое, что пришло ему в голову:

– Как вы узнали, что я приду именно сюда?

За спиной раздался сдержанный короткий смешок. Похоже, киллера позабавил его вопрос. В этот момент Фомич почувствовал, что ствол пистолета сместился немного вправо и теперь был направлен точнехонько в позвоночный столб.

Как бы там ни было, все равно не самый подходящий момент для контратаки.

– Как же не узнать, если ты ходишь вокруг этой квартиры, как кот вокруг сметаны. Кстати, нам очень понравилась твоя идея с парафином. Прежде такие замки открывали совсем по-другому... Кувалды, коловороты и прочие приспособления. Было много шума. А ты вон что удумал! Это говорит о том, что у тебя настоящий талант, мы это ценим.

Слишком много непонятного. В какой-то момент Кирилл почувствовал, что начинает раздражаться (весьма скверное предприятие в его положении), но, собрав по крупницам расплескавшееся терпение, ответил как можно сдержаннее.

– И кто же это «мы»?

– Об этом поговорим позже, – строгим голосом заметил неизвестный. – А сейчас ты должен уяснить, что вопросы задаю я. Усвоил? – Голос строгий, не терпящий препирательств.

– Вы меня сдадите ментам?

– Я уже тебе сказал, что вопросы здесь задаю я. Меня не заботит, что именно ты вытащил из квартиры. Меня интересует, как ты в нее проник. А сделал ты это весьма изящно... Вряд ли кто на твоём месте проделал бы это лучше тебя. Так что карманы выворачивать тебе не придется. Все, что ты там забрал, можешь оставить себе, – в голосе прозвучала откровенная насмешка.

Кирилл Глушков едва сдержал вздох облегчения – ситуация начинала выравниваться.

– Я хочу предложить тебе одно дело... Ты не спрашиваешь, что за дело?

– Кажется, я не должен интересоваться.

– Хвалю. Схватываешь ты быстро. Считай, что заработал еще одно очко. Ты должен ограбить три квартиры.

Очень хотелось посмотреть на говорившего.

– Ах вот как. Понимаю, это премиальные за то, что я вскрыл эту хибару.

– А ты остер! Не ожидал... Не поворачиваться, – произнес неизвестный.

В голосе чужака не было ничего настораживающего или агрессивного. Однако от интонации, какой была произнесена фраза, невольно прошибал холод.

Под самой лопаткой неприятно зачесалось – Кирилл понял, что ствол пистолета теперь был направлен именно в это место.

– Я не поворачиваюсь.

– Что это за люди, тебя не должно интересовать. Ты их должен забыть сразу после того, как совершишь ограбление. Не слышу ответа! – Голос незнакомца посуровел.

– Понятно.

– Вот мы, кажется, и сговорились. Теперь слушай по делу... Три квартиры находятся в двух соседних домах. Нас интересуют документы, что находятся в сейфах. Они будут лежать в желтых пакетах из плотной бумаги. К заданию ты приступишь сразу же, как только я выйду из подъезда.

– Так не годится, – запротестовал Кирилл. – Мне нужно время, чтобы подготовиться. Любое ограбление требует аналитической работы. Мне важно знать, кто проживает в этой квартире, время, когда квартира будет пустовать. Нужно посмотреть на замок и оценить его слабые места. Затем прикинуть возможные пути отхода...

– Ничего этого у тебя не будет, – перебил неизвестный. – Ты должен будешь взломать замки без предварительной подготовки. Все, что тебе нужно для дела, у тебя находится сейчас в этом саквояже. Здесь имеется еще одно «но»... – Неизвестный сделал паузу, наверняка для большего смыслового эффекта. – Эти квартиры ты должен ограбить в течение двух часов.

– Вы с ума сошли! Я не самоубийца! – искренне запротестовал Кирилл. – Можете делать со мной все, что хотите, но...

Глушков хотел было повернуться, чтобы остаток фразы произнести прямо в лицо неизвестному, но в левую лопатку воткнулось нечто твердое. «Ствол пистолета», – ужалила неприятная мысль. Мушка разодрала одежду, болезненно вгрызлась в кожу, отнимая остатки воли и желание возражать.

– Не торопись умереть раньше срока... Если ты не выполнишь того, чего мы от тебя требуем, то мы сделаем с тобой такое, о чем ты даже не подозреваешь.

– Вы не так меня поняли...

– ...Вот тебе доказательства того, что мы не собираемся шутить. Послушай!

За спиной раздался негромкий щелчок. Так включался диск звукозаписи, и в следующую секунду домушник услышал взволнованный голос Насти:

«...Кирилл, сделай все, что они говорили, а то...»

Выстрелом прозвучал сухой звук выключателя. Запись прервалась, как если бы ее не было вовсе. В висках забились жилка, тревожно отсчитывая удары.

– Теперь ты понял, что мы не шутим? – спросил все тот же спокойный голос.

Запись окончательно развела их в разные стороны, не предусматривая даже видимости возможного компромисса.

Внутри Глушкова что-то болезненно раздвинулось. Такое впечатление, что деформации подвергались даже его ребра. Настя! Девушка была единственным существом в этом мире, кого он любил по-настоящему.

Сглотнув горький ком, Кирилл едва выдавил:

– Да.

– Меня не подводит чутье. Я знал, что мы поладим.

На пол, слегка задев каблуки, что-то смачно шлепнулось. Очень похоже на журнал или на какой-то весьма объемный пакет. Кирилл подмывало обернуться и посмотреть, что же лежит у него под ногами. Но мешал ствол пистолета, который, как будто бы почувствовав его желание, немилосердно впился в лопатку, продолжая буравить кожу.

– Все дополнительные инструкции находятся в пакете на полу. Ты можешь его взять сразу, как только захлопнется за мной дверь. И чтобы без глупостей... Ты меня понял?

– Да.

– И еще... Если не уложишься в два часа, то будем считать, что наша сделка не состоялась.

– Когда мне начинать?

– Отсчет начнется сразу, как только за мной захлопнется дверь подъезда.

Кирилл невольно распрямылся, когда незнакомец отвел руку, а еще через секунду за спиной послышались удаляющиеся шаги. Шаркнула у входа ступня, а затем послышался скрип затворяемой двери.

Злорадно хлопнула сжатая пружина, и в подъезде установилась тишина.

Некоторое время Кирилл Глушков продолжал стоять, вслушиваясь в безмолвие. Его чувства обострились невероятно, ему казалось, что в этот момент он способен услышать шевеление тараканьих усов.

Плотной ватой со всех сторон обступила тишина.

Желающих говорить ему грубые слова и сверлить спину пропахшим стволом более не находилось. Если бы не те неприятности, что произошли с ним в последние полчаса, то жизнь можно было бы назвать вполне сносной.

Повернувшись, Кирилл увидел на кафельном полу большой белый конверт, в каком обычно отправляют заказные письма. Вот только адрес не написан.

Склонившись, он поднял пакет. Что же в нем может быть? Открыв, увидел тонкий листок бумаги, на котором было написано три адреса: два находились на Волгоградском проспекте, а третий – на Дубровской.

Чертыхнувшись, подумал о том, что все три адреса разделяет пятнадцать минут быстрой ходьбы. Следовательно, нужно будет добираться на машине, что, в свою очередь, связано с определенными трудностями. Слава богу, что от него не потребовали нагрузить сумки скарбом, – каково это топтать с нагруженными баулами до места парковки автомобиля!

Сложив вчетверо конверт, Фомич сунул его в карман куртки и вышел из подъезда, невольно испытав чувство облегчения. Теперь все зависит от него.

* * *

Полноватый мужчина в джинсах и темно-синей рубашке, спрятавшись за стволом липы, с напряженным вниманием глядел на дверь подъезда. Вот она широко распахнулась, и из нее скорым шагом, с небольшим саквояжем в руке, вышел молодой мужчина. Не оглядываясь, он прошел вдоль дома и свернул за угол.

Довольно хмыкнув, толстяк вытащил из кармашка рубашки мобильный телефон и набрал номер.

Глава 6

У тебя осталось пятнадцать минут

Здание обезлюдело – оно и понятно, откуда здесь взяться суете, когда время неумолимо движется к полуночи. Телефон подал сигнал в тот самый момент, когда Николай Григорьев подходил к кабинету шефа.

Вытащив его из кармана, он негромко проговорил в трубку:

– Слушаю.

– Беседа состоялась.

Григорьев довольно улыбнулся и выключил телефон – большего не требовалось. Слегка постукавшись, он вошел в кабинет шефа.

– Прошу прощения, Валерий Нестерович, – негромко произнес он. – Все идет точно по плану. Можно включать.

Шеф стоял у распахнутого окна и курил. Высокий, крупный, он весьма гармонировал с массивной старинной мебелью своего кабинета. Пожалуй, ей было лет сто, а может быть, даже и поболее. Однако избавляться от нее он не спешил и чувствовал себя в громоздких кожаных креслах весьма комфортно.

Валерий Нестерович отошел от окна и устроился перед монитором.

– Ты уверен, что это именно тот человек, который нам нужен?

Голос у шефа был ленивый, тягучий, как если бы он делал одолжение всему свету. Его манера вести разговор очень раздражала, зачастую мешала сосредоточиться, вот только желающих высказать свое неудовольствие отчего-то не находилось.

Чревато!

Уткнувшись в монитор, он даже не соизволил взглянуть на собеседника, и Григорьеву пришлось рассматривать мясистый затылок шефа с крупными складками, отмечая на закругленном черепе все анатомические особенности. Так, например, с некоторым удивлением он обнаружил, что уши у него слегка оттопырены, что весьма приметно именно под этим углом зрения. А на шее отчетливо выделялась темно-коричневая родинка, которая очень напоминала разлапистого паука.

Создавалось впечатление, что Валерий Нестерович обращался к кому-то другому. Но в комнате они были вдвоем, а следовательно, обращался шеф именно к нему. Впрочем, это была его особенность разговаривать с подчиненными, не показывая при этом лица. А потому приходилось всякий раз держаться в напряжении, чтобы не пропустить заданного вопроса.

Шеф не любил повторять дважды, и это приходилось учитывать.

– Абсолютно! Глушков Кирилл, он же Фомич. Такое погоняло он заслужил за умение искусно работать фомкой. Возраст двадцать восемь лет. Профессиональный домушник. В криминальных кругах очень большой авторитет. Мое мнение, что другого такого в Москве не найти, пожалуй, даже во всей России, – уверенно заключил Григорьев, наблюдая за тем, как Валерий Нестерович по-деловому устроился за монитором компьютера. С этого ракурса родинки было не видно, как если бы паук, испугавшись пристального взгляда, решил уползти за край высокого воротника. – Я наблюдаю за ним последний месяц. Лучшую кандидатуру, чем он, отыскать просто невозможно. Я бы даже сказал, что он прирожденный домушник. Часто в квартиры он проникает даже не для того, чтобы чего-то украсть, а так... из-за азарта!

– Азарта, говоришь? – подивился Валерий Нестерович, стукнув по клавише.

На мониторе возникла новая картинка, в которой на первый взгляд не было ничего особенного – обыкновенный пятиэтажный дом сталинской постройки, с обшарпанным крыльцом и высоким навесом над входом. Единственной добротной вещью была разве что входная дверь, которая, казалось, была сработана на века.

Повернувшись, Валерий Нестерович теперь смотрел на помощника в упор, что было для него крайне нетипично. Григорьеву хотелось поежиться от столь выразительного внимания, но делать этого не следовало, и предстояло стойко выносить тяжесть пытливого взгляда.

Весьма неприятное ощущение!

Невольно проскакивала мыслишка, что он не смотрит, а беспардонно буравит мозг колючими черными глазами.

Похоже, в этот раз он решил сполна испытать силу своего демонического взора.

В какой-то момент Григорьеву захотелось свернуться в клубок, забиться под стол перепуганным тараканом, превратиться в крохотную куколку, а то и вовсе умереть на время, но делать этого не следовало. Испытание надо было выдержать достойно.

Нужно было как-то отвлечься, и теперь все свое внимание Григорьев сосредоточил на воротнике его пиджака, в который вкрались небольшие частички перхоти.

– А не навредит ли нам этот азарт?

– Не думаю, – уверенно проговорил Николай Григорьев, отмечая, что радужка глаз у шефа разная. Возможно, такой художественный эффект женщин сводит с ума, но мужчин он невольно заставляет напрягаться. – Для него это некоторое самовыражение. В своем деле Глушков профессионал высочайшего класса и постоянно испытывает потребность доказать себе, что он самый лучший. Две недели назад, буквально балуясь, он вскрыл два десятка квартир, причем четыре из них были высочайшей крепости, да еще с бронированными замками.

– А что было в квартирах?

Вопрос прозвучал таким образом, как если бы Валерий Нестерович всерьез интересовался содержимым квартир. Вот сейчас выдвинет ящик стола, извлечет из него фомку и отправится на воровской промысел.

Григорьев попытался погасить невольную улыбку.

– Квартиры были упакованы под самую завязку, но он взял только ювелирные изделия.

– И что именно?

– Изумрудное кольцо, рубиновый браслет и пасхальное яйцо работы Фаберже. Весьма серьезная вещь!

– Ах вот оно что! Оказывается, он работает по-крупному. А по его внешности этого никак не скажешь. Как же ему голову не отвернули за такие дела?

Хмыкнув, Григорьев проговорил:

– Покупателем выступал его приятель. Собственно, из-за этого яйца Фаберже на него и вышли. Он пытался продать его иностранцам, а те поделились информацией с кем-то еще. Хозяину об этом стало известно, вот и открутили парню голову. Решили, что квартиру взломал именно он.

– Понятно. Что он взял в других квартирах?

Пожав плечами, Григорьев ответил:

– Как-то все больше по мелочам. Половина из этих квартир были пустые. Одни хозяева съехали за границу, другие проживали в загородном доме. В одной из этих квартир он поел кислых щей, съел шницель и оставил записку в благодарность за вкусный обед.

– Вот что значит воспитание! – сказал шеф, продолжая буравить нацеленным взглядом. Крутанувшись на стуле, он вновь впился в экран. – Надеюсь, что ты не ошибся. Такая оплошность нам может дорого обойтись. Где ты установил видеокамеру?

Грудину отпустило, как если бы скинул непосильный груз. Даже задышалось полегче. Настроение, пусть на сотую долю градуса, но поднялось вверх. Так бывало всегда, когда шеф смотрел в противоположную сторону. Было бы лучше, если бы во время разговора он надевал темные очки.

Но ведь не укажешь!

– На фонарном столбе... Видеоглазок с большим угловым разрешением, так что мы увидим его с любой точки, откуда бы он ни подошел.

– Хорошо... А вот, кажется, и он, – произнес Валерий Нестерович и, стукнув два раза по клавишам, приблизил к себе картинку.

Шеф не ошибся, действительно, в двадцати метрах от подъезда появился Фомич с неприметным чемоданчиком. В его внешности, на редкость заурядной, не было ничего такого, за что мог бы зацепиться взгляд. На нем была короткая джинсовая куртка с дюжиной клепок. Брюки неброского темно-серого цвета, на которых даже не просматривалась стрелка. Носил он легкие коричневые туфли, в которых одинаково свободно можно сидеть в ложе театра и шаркать по асфальту. Практично. Удобно.

При необходимости в них легко бегаются.

Оба напряженно впились глазами в монитор. Некоторый тест на выживание. Дальнейший результат во многом зависит от того, как он справится с цифровым замком.

Кирилл остановился и бегло глянул на набор цифр, как это делает жилец дома. Прицельно, но коротко. Рука привычно взметнулась, чтобы надавить на нужные кнопки. Абсолютно никакой растерянности или замешательства. Указательный палец повис над панелью, но ровно на те мгновения, которые требовались для нажатия нужных цифр, и в следующий миг он уверенно надавил на первую клавишу, затем на вторую, прочертив короткий радиус, безымянный палец отыскал последнюю цифру, и дверь плавно отошла.

Григорьеву даже показалось, что он услышал продолжительный и тягучий гудок открываемой двери. В действительности это, конечно же, разыгравшееся воображение – «жучки» были поставлены этажом выше.

– Однако как он ловко справился, – сдержанно произнес Валерий Нестерович.

Следовало иметь абсолютный слух, чтобы в совершенно равнодушных интонациях услышать нечто похожее на восхищение. И тем не менее оно прозвучало.

Шеф был скуповат на похвалу.

– Цифровой замок для него не самое серьезное испытание. Думаю, он просто нажимал на потерянные цифры.

– Возможно.

Где-то на площадке третьего этажа была установлена вторая камера, с охватом более ста восьмидесяти градусов. Весьма удобная вещица, правда, имелся некоторый недостаток – на периферии обзора картинка слегка искажалась. Вот потому представший на лестничной площадке объект выглядел с укороченными ногами и заметно вытянутым лицом, как если бы знал наверняка, где помещается камера наблюдения. Точно глянул в видеоглазок, задержав на нем взгляд на несколько секунд.

– Неужели догадался? – удивленно протянул шеф, обернувшись на сконфузившегося Григорьева.

– Не думаю... У таких типов, как он, чрезвычайно развита интуиция. Видно, каким-то образом он почувствовал, что это место может быть источником опасности. Вот и посмотрел.

– Ах вот оно что... Поглядим, что будет дальше. Что ты думаешь об этом замке? – поинтересовался Валерий Нестерович.

– Этот замок немецкий. Он принадлежит к четвертому классу. Весьма крепкий. Считается одним из самых труднооткрываемых, – уверенно ответил Николай Григорьев. – В замке очень много бороздок. Подобрать ключ практически невозможно.

– Вот оно как!

– Кроме того, сами пластины могут быть различной формы. Ему придется туговато.

– В таком случае не слишком ли трудное задание мы ему дали?

– Он обязан проявить сноровку. Если нет... Значит, мы в нем ошиблись.

Надев перчатки, домушник встал на корточки и принялся изучать замок. Чиркнув зажигалкой, посмотрел внутрь, для чего-то отер коготь большим пальцем и с интересом принялся ее разглядывать. В этот момент на его губах застыла плутоватая улыбка, похоже, он принял какое-то решение. Открыв кейс, он вытащил ручную дрель, вкрутил сверло и, приладив его под углом в замок, принялся вращать.

– Неужели просверлит? – подивился Валерий Нестерович. – Насколько мне известно, такие замки изготавливаются из усиленной стали.

– Он знает, что делает, – подавил вздох облегчения Григорьев. Он больше не сомневался в том, что его выбор на редкость удачен. – Наконечник сверла, скорее всего, алмазный.

Уже через минуту на поверхности бронированной стали наметилось небольшое отверстие. Самое главное – пробить первый усиленный слой, далее будет полегче. Еще через минуту поползла черная тоненькая металлическая стружка. Воткнувшись в рукав Фомича, она обломалась и упала на кафельный пол, где тотчас была раздавлена подошвами.

Упершись плечом в коловорот, Кирилл продолжал крутить вороток, заставляя крепкий замок вылезать из пазов. Еще небольшой нажим, и сверло провалилось куда-то внутрь. Распрямившись, Фомич сложил коловорот и бережно спрятал его в кейс. Действовал не спеша, как если бы у него впереди была вечность.

Завидная самоуверенность!

– Неужели вскрыл? – подивился шеф.

– Да... Посмотрите. Замок болтается.

Свесившись, замок держался на каком-то тонком креплении, находящемся внутри отверстия. Аккуратно вставив замок в гнездо, Глушков отступил на шаг, оценивая проделанную работу, и, подняв стоящий подле стены чемоданчик, взялся за ручку двери.

Вошел уверенно, как и подобает хозяину квартиры.

– Сколько времени он потратил на вскрытие замка? – спросил шеф, не отрываясь от монитора.

Глянув на часы, Григорьев уверенно ответил:

– Четыре минуты и сорок пять секунд.

– Хороший показатель, – в голосе прозвучало откровенное удовлетворение.

– Да. Предыдущие домушники ему значительно уступают.

– Сколько понадобилось времени первому домушнику на открытие подобной двери?

Вопрос был ожидаем. Для шефа не существовало мелочей, даже к самому незначительному делу он подходил весьма основательно. А тут такое!

Кивнув, Николай ответил:

– Первый сумел открыть этот замок за двадцать пять минут.

– А второй?

– Второй – за пятнадцать.

Дверь мягко захлопнулась.

– Он талантлив в своем деле.

– Он лучший из тех, кого мы привлекали.

– Видеокамера в квартире есть?

– Установили. Она расположена над сейфом... Нажмите «Enter», – посоветовал Григорьев.

Шеф небрежно стукнул пальцем по клавише, и на мониторе возник новый образ – Фомич откровенно пялился на множество картин, что были развешаны в прихожей. Похоже, он пытался определить, действительно ли они принадлежат фламандским мастерам или это всего лишь искусные копии.

– Он теряет время, – недовольно протянул Валерий Нестерович. – Впрочем, такая красота кого угодно может смутить.

– Сейчас исправим, – с готовностью отозвался Григорьев. Вытащив мобильный телефон, он нажал кнопку вызова.

Домушник мгновенно оторвал взгляд от холстов и вытащил мобильник.

– Это вы?

– Ты не ошибся.

– У вас как-то изменился голос.

– Тебя это пугает? Ты лучше скажи, как продвигаются твои дела?

– Идут потихоньку.

– Сумел ли ты открыть дверь?

– С дверью все в порядке, сейчас нахожусь в квартире.

– Ты не позабыл, что тебе нужно?

– Не позабыл, – выразительно посмотрев на полотно, висевшее рядом, проговорил домушник. – Мне нужен сейф. Хата неплохо упакована. Может, стоит прихватить на память что-нибудь еще?

– Никакой самодеятельности! – строго наказал Григорьев. – Делай то, что тебе велено. Сейф может быть хорошо спрятан, тебе нужно его отыскать.

Тонкие губы вытянулись в трубочку, выражая высшую степень неудовольствия. В глазах так и читалось: «Когда я еще попаду в такую хату!»

– Хорошо. – Шагнув в комнату, Кирилл цепким взглядом осмотрел потолок, стены. – У меня такое чувство, что за мной наблюдают.

Толстые губы патрона разошлись в снисходительной улыбке.

– Вот как? – удивленно протянул Григорьев. – Кто же это за тобой может наблюдать?

– Понятия не имею. Просто вдруг возникло ощущение, что я не один.

– Такое бывает. Не заостряй на этом внимание. Делай то, что велено, и тотчас уходи...

Если не хочешь неприятностей.

– Я все понял.

Фомич отключил телефон и сунул его в карман брюк.

Скорым шагом пересек зал. Ничего! Зашел в комнату и остановился у небольшого шкафа.

Шеф невольно заулыбался: в этом парне и впрямь что-то было. Домушником он был от бога, если подобная терминология применима к ворах. Каким-то образом он почувствовал, что сейф был спрятан именно в шкафу, и для этого ему потребовалось ровно столько времени, чтобы скорым шагом пересечь комнату.

Уверенно распахнул шкаф и, не теряя времени, принялся выбрасывать с полок вещи. Удовлетворенно хмыкнул, увидев в глубине полки небольшой сейф. Достав зажигалку, осветил в замочную скважину. Замок был непростой, изготовленный по индивидуальному заказу.

На какое-то мгновение на его лице отразилось замешательство, сменившееся настоящим озарением. Никаких трудностей и терзаний – домушник действовал, как хорошо отлаженная машина. Губы разошлись в довольной улыбке, превратив сосредоточенного домушника в обаятельного симпатягу.

Вытащив изо рта жвачку, он аккуратно скатал ее в трубочку и просунул в замочную скважину. После чего вытащил с подобающей осторожностью. Жевательная резинка приняла форму отверстия. Вот теперь самое время изготовить подходящую отмычку. Открыв чемоданчик, он извлек из него тонкую, будто бы прут, отмычку, небольшими кусачками, больше напоминающими щипчики для колки сахара, отогнул крючок, придав ему замысловатую форму, и уверенно вставил прут в скважину.

– Точно по резинке, – заметил шеф. – Сколько у него ушло на это времени?

Глянув на часы, Григорьев ответил:

– Ровно три минуты.

Покрутив пальцами отмычку, Фомич уверенно отыскал паз, слегка нажав, он повернул его вправо, и дверца открылась.

– А он молодец!

Слегка присев, Фомич заглянул в темное нутро сейфа и тотчас разочарованно отстранился. Видеоглазок бескомпромиссно высветил сложенные в трубочку губы. Похоже, он ожидал, что в этом сейфе его ожидает нечто большее, чем невыразительный белый конверт.

Взяв документы, он небрежно сунул их в карман. Даже не удосужившись захлопнуть дверцу сейфа, домушник быстрой походкой направился к двери. На некоторое время приник к глазку и, убедившись в безопасности, уверенно распахнул дверь.

– Так ты думаешь, он успеет? – задумчиво произнес шеф, откинувшись на спинку стула.

– Никто из привлеченных ранее не проходил так быстро эту дистанцию, – твердо заверил Григорьев. – А чего только стоит его выдумка с жевательной резинкой! Этот парень соображает мгновенно.

– Способности у него имеются, – сдержанно согласился Валерий Нестерович. – Расскажи о нем поподробнее.

– Кражами в квартирах он начал заниматься еще со школы. Первая кража состоялась в девятом классе, когда он вынес новенький костюм из прихожей в соседнем доме... Да, еще забрал модные мужские туфли.

– Значит, любит одеваться... Как это произошло?

Пожав плечами, Григорьев ответил:

– Обыкновенно... Первая кража всегда случается спонтанно. Возможно, если бы ему в свое время дали по рукам, то убили бы в нем все те таланты, что в нем заложены.

– Пожалуй.

– Пошел в гости к приятелю. Увидел слегка приоткрытую дверь. Заглянул в нее ради любопытства и заметил, что на вешалке висит шикарный костюм. Ну, он его и взял, а заодно поменял и туфли. Свои же, старые, оставил в прихожей.

– А он не без юмора!

– Это у него имеется... В тот день к приятелю он так и не зашел. На выпускной вечер явился в новом костюме, который подошел ему по размеру. Думается, в тот же вечер он сделал для себя существенное открытие, определившее всю его дальнейшую жизнь: оказывается, вещи можно выносить из коридора через открытую дверь! – На губах шефа промелькнула снисходительная улыбка. – Уже через три года он вырос в матерого вора. К каждому своему делу он подходил весьма творчески: узнавал через газету, в каком доме состоятся похороны или свадьба, и под видом гостя выносил понравившиеся шмотки.

– Как же ему удавалось так долго уходить?

– Это действительно странно. Скорее всего, парню просто везло. Хотя в милиции на него была наводка.

– И все-таки он попался!

– Причем, я считаю, весьма по-глупому. Пошел как-то на базар сбывать украденные вещишки, и тут увидел одну старушку, у которой из сумки торчит кошелек. Ну и ухватил его сдуру! А та поймала его за руку и милицию позвала. Оказалось, что женщина была опытным оперативным работником. Выпутаться он так и не сумел. Дали ему три года. Отсидел от звонка до звонка. Потом сошелся с какой-то бабой, некоторое время они промышляли на пару.

– Как же они работали?

– Присматривали какую-нибудь квартиру в новом доме, где соседи еще толком не знали друг друга. Подбирали ключ и выносили все, что было под рукой.

– А что у него была за подруга?

– Форточница. Причем весьма искусная.

– Где он с ней познакомился?

– Познакомился он с ней по переписке, как это случается с заключенными. Но баба в самом деле оказалась достаточно привлекательной. Я смотрел ее дело, на фотографиях она выглядит просто шикарно, даже в профиль... Работала вечерами. Залезет на второй этаж и пролезет через форточку на кухню. Наберет все самое ценное, что лежит на кухне и в прихожей, а потом тем же путем и уходит.

– Ее все-таки поймали?

– Да, – кивнул Григорьев. – Но здесь тоже весьма забавная история произошла. Однажды во время ограбления проснулся хозяин квартиры, пришел на кухню попить водички. И вдруг увидел девку, которая у него в сумке роется. Ему бы ее скрутить да милицию вызвать, а он к ней начал с гнусными предложениями приставать. Ну, она его и уделала сковородкой по темечку. Хозяин упал, разбил голову. Девке бы через форточку уходить тем же путем, что и вошла, а она через дверь попыталась выйти, а дверь оказалась на сигнализации. Вот ее и сцапал подоспевший наряд милиции.

– И впрямь презабавная история, – согласился шеф, скупно улыбнувшись.

Крупным планом на мониторе показалась светлая «девятка». Машина Глушкова вывернула во двор.

– Объект подъехал ко второй квартире.

– Ты усложнил ситуацию?

Широко улыбнувшись, Григорьев ответил:

– В полной мере. Сейчас вы это увидите сами. Думаю, он нас не разочарует.

* * *

Глянув на часы, Кирилл Глушков подошел к нужному дому. Дверь в подъезд оказалась открытой – тем лучше, меньше проблем!

Скоренько поднявшись на четвертый этаж, Фомич отметил, что на площадке две квартиры, ту, что справа, предстояло вскрыть. Внимательно осмотрел замок. Английской работы. Судя по мелким царапинам и легкой потертости, ему было не меньше двух-трех лет.

Оно и к лучшему!

Бороздки у такого замка истираются за один год, зубчики так же стачиваются. Достаточно подобрать подходящую пластину, и тогда такой замок можно открыть за четверть минуты. Впрочем, легко подойдут и два шила.

Открыв чемодан, Кирилл достал два тонких шила с небольшими зубчиками и просунул их в прорезь замка. Почувствовал, как заточенный конец уперся в упругий валик, затем отыскал крохотную выемку (то, что нужно!). Протолкнув шила дальше, услышал, как раздался негромкий щелчок. Язычок замка, будто бы чего-то испугавшись, забрался внутрь. Фомич невольно хмыкнул – кажется, установлен мировой рекорд по открыванию замка.

Открыв дверь, прошел в просторную прихожую. В квартире очень опрятно. Видно, хозяин большой аккуратист. Так и подмывало надеть стоявшие в углу тапочки. Не самое подходящее время! У входа возвышалось огромное трюмо, по обе стороны которого закреплены небольшие олени рога, на одном из них висела потертая кожаная куртка. Фомич привычно постучал по карманам куртки и, убедившись, что они пусты, прошел в просторную гостиную.

Следовало отыскать сейф.

Зашел в гостиную. Осмотрелся. Пожалуй, гостиная не самое подходящее место для хранения ценностей. Сейфу подобает помещаться где-нибудь в дальней комнате, в укромном уголке.

Толстый мягкий ковер, разложенный в коридоре, заглушал торопливые шаги.

Еще одна комната.

По всей видимости, детская: пол и диван были завалены мягкими игрушками, которых здесь было бесчисленное множество, от миниатюрных, величиной с мизинец, до самых больших. В углу комнаты возвышался розовый плюшевый слон, который мог выдержать десятилетнего ребенка. Фомича заинтересовал заяц с очень длинными лапами – весьма симпатичная вещичка! Будем надеяться, что хозяин не станет возражать, если он возьмет его себе на память о посещении квартиры, а потом будет что подарить Насте. Девушки ценят знаки внимания.

По всему периметру комнаты стены были разрисованы в несколько слоев краски. Полное впечатление, что здесь упражнялась целая толпа сорванцов, специализирующихся в граффити. Причем в некоторых местах под густой замазкой просматривались весьма приличные рисунки.

Дети в такой комнате должны чувствовать себя весьма комфортно.

В конце коридора имелась маленькая дверь, значительно ниже остальных, да и поуже на целую ладонь.

Лучшего места для хранения сейфа придумать трудно.

Взявшись за ручку, он вдруг отчетливо осознал, что за порогом присутствует какая-то угроза. Кирилл никогда прежде не искушал судьбу и, едва почувствовав неладное, разворачивался и уходил. Но в этот раз, вспомнив громкий голос Насти, вызывавшей о помощи, предпочел остаться.

Осторожно, как если бы хотел выпустить опасность по капле, приоткрыл дверь. Здесь тоже были мягкие игрушки, как это свойственно детям. Они склонны к экспансии и привыкли завоевывать своими вещами окружающее пространство. Однако никто на него не набрасывался, не пытался вывернуть руки, не наставлял ствол пистолета в грудь. Все благопристойно. В какой-то момент Фомич даже испытал чувство разочарования. Прежде интуиция его не подводила, он доверял ей, как зрению или слуху.

«Бывает же такое!» – расслабившись, Кирилл Глушков шагнул в небольшой кабинет.

Вдруг в дальнем углу одна из игрушек ожила, и на него пушечным снарядам молчаливо и сосредоточенно, с твердым намерением сомкнуть свои могучие челюсти на его горле, бросился белый мускулистый бультерьер. Пытаясь спастись, Фомич инстинктивно выставил вперед зайца, и тотчас зубы собаки сомкнулись на его плюшевом брюхе.

Развернувшись, Кирилл скорым шагом, не отпуская зайца, направился по коридору и прошел на кухню. Распахнув холодильник, без особого почтения бросил в него зайца вместе с прицепившейся собакой и захлопнул дверцу. О днище холодильника разбилась стеклянная банка, и глуховато прозвучал обиженный собачий писк.

– Придется тебе, дружище, немножечко подышать холодком. Не обессудь! – со злорадством произнес Кирилл.

На всякий случай, не желая искушать судьбу, припер дверцу холодильника тяжелым дубовым столом. В чреве холодильника что-то судорожно бухнуло. Похоже, собачка пытается выбраться на волю.

* * *

Григорьеву нечасто приходилось видеть Валерия Нестеровича в таком приподнятом настроении, но сейчас, откинувшись на спинку высокого кресла, тот безудержно и весело хохотал.

– Мне определенно нравится этот домушник! Так это и есть твой сюрприз?

Едва улыбнувшись, Григорьев ответил:

– Да. Хотелось посмотреть, как он будет действовать в нестандартной ситуации.

– Я смотрю, ты ему устроил сплошные нестандартные ситуации... Но вижу, что он не растерялся. А если бы этот песик откусил ему руку?

– Тогда бы пришлось искать другую кандидатуру.

- Лучшего мы бы уже не нашли.
- Согласен с вами.
- Мыслит он нестандартно, и это нам подходит.

* * *

Пес скоро затих, похоже, холод подействовал на него весьма успокаивающе. Вернувшись в комнату, Кирилл тщательно осмотрел все стены. Ничего такого, что могло бы указывать на то, что в них запрятан сейф. У окна стоял небольшой старинный секретер, стилизованный под эпоху Людовика XIV; шкаф, стоящий у самой двери; кожаный диван, припертый вплотную к стенке. Вот, собственно, и все. Более никаких изысков. И все-таки что-то подсказывало Фомичу, что сейф следовало искать здесь.

На стенах никаких изъянов. Обои аккуратные, выбраны со вкусом. Вряд ли сейф вмонтирован в кладку.

В диване ему тоже не место, да и шифоньер вряд ли подходит для подобной цели. Вот секретер...

Присев, Кирилл попытался открыть дверцу. Она оказалась запертой. Невольно хмыкнул, подивившись искусной работе старых мастеров. Сейчас таких вещей не производят. Секретер был заперт на замок, вот только где именно находился замок, было непонятно. Обыкновенные сюрпризы в духе французских умельцев. Порой в толщине досок прятали важные документы, фамильные драгоценности. Порой такой клад мог храниться целыми столетиями, переходя от одного хозяина к другому, и только случайность позволяла обнаружить сокровища. Не исключено, что где-нибудь в дубовой стенке находится полкило золотых монет, вот только не оставалось времени для их поиска.

* * *

Ухмыляясь, шеф с интересом посмотрел на монитор, пребывал он в благодушном настроении и, шурясь, пускал сигаретный дым под самый потолок.

- Как ты думаешь, разберется?
- Думаю, да.
- Сколько потребовалось предыдущему, чтобы открыть секретер?
- Он его так и не открыл, – ответил Григорьев. – Взломать тоже не удалось. На совесть сработано.
- Поглядим, что получится у этого.

* * *

Можно было бы просверлить пару дырок, потом долотом отворить дверцу, искурочив при этом замок вместе с секретером. Но портить антиквариат было совестно. Несolidно как-то! Более трех столетий вещь простояла в неприкосновенности где-то во французских дворцах, чтобы впоследствии быть вскрытой фомкой российского домушника.

К таким вещам следует относиться бережно.

Кирилл Глушков обошел секретер со всех сторон. Сплошной монолит, ничего такого, что могло бы напоминать замок. Даже отверстия не отыскать! И все-таки разгадка пряталась где-то близко. И тут на боковой стенке секретера он заметил, что верхний уголок дерева немного другого оттенка. Всмотревшись внимательнее, Фомич обнаружил, что боковая стенка в действительности состояла из двух кусков, верхний из которых был меньшего размера. При-

чем он был настолько подобран по узору, что внешний вид представлял с другим куском единое целое.

Вот в чем разгадка! А так ни за что не догадаешься.

Ткнув в неровность, он почувствовал, как она слегка провалилась под нажимом его пальцев. Еще один толчок, и дощечка, сложившись, отодвинулась в сторону. Кирилл сунул пальцы в полость и, нащупав небольшой рычажок, слегка потянул его. Где-то внутри дубового массива сухо щелкнуло, и дверца слегка приоткрылась.

Теперь на одну тайну в секретере стало меньше.

Распахнув дверцу, Фомич увидел бронированную поверхность сейфа старинной конструкции. Можно предположить, что ему не меньше лет, чем самому секретеру.

Осталось только подобрать подходящую отмычку, и задача выполнена.

Вытащив из кармана набор отмычек, перетянутых бечевой, Фомич без труда отыскал нужную – коротенькую, уплощенную, с зубчиками по одной стороне.

То, что нужно!

Просунув отмычку в щель, Фомич слегка ее покрутил, пытаясь отыскать пазы. Отмычка не желала цепляться, без конца соскальзывала с зубчиков. Нужно попробовать другую. На этот раз Кирилл выбрал отмычку подлиннее, с загнутым концом. Опять не подходит! Отмычка ни в какую не желала проворачиваться, что-то мешало по самому краю.

А сейф оказался не таким простым, как это показалось вначале. Видно, в старину понимали толк в замках и имели верное средство против разного рода взломщиков.

Кирилл нервно посмотрел на часы, время убегало.

Следует попробовать третью. Перебрав все отмычки, домущник решил остановиться на той, что имела заостренный край. Достав плоскогубцы, он слегка согнул ее и бережно просунул в замочную скважину. Слегка волнуясь, провернул. А когда зубчики замка зацепились за крючки отмычки, осторожно повернул.

Внутри сейфа негромко щелкнуло, и дверца отомкнулась. Кирилл невольно выдохнул. На верхней полке лежал небольшой пакет, точно такой же, какой он забрал из предыдущей квартиры: ни надписей, ни рисунков, ничего такого, что могло бы указывать на его принадлежность.

В кармане завибрировал телефон. Нажав кнопку, Глушков поднес его к уху:

– Слушаю.

– У тебя остался всего час, надеюсь, что ты меня не разочаруешь.

– Я сделаю все, что нужно, – поспешно заверил Кирилл.

– Вот и отлично!

В барабанные перепонки ударили короткие надоедливые гудки.

– Да пошли вы!

Сунув телефон в карман, Фомич вышел из квартиры. Ему сегодня определенно везет, в подъезде не встретилось ни одного жильца, как если бы дом вымер.

– Молодой человек! – услышал Кирилл за спиной пронзительный голос.

Внутри все съезжилось – полное впечатление, что кто-то ухватил его за руку в то самое время, когда он пытался вскрыть квартиру. Возникло желание скатиться с лестницы кубарем и броситься из подъезда прочь. Однако торопиться не следовало, нужно было набраться хладнокровия.

Налепив на лицо любезность, Фомич обернулся:

– Вы это мне?

Из дверного проема выглядывала женщина лет восьмидесяти пяти и, близоруко прищурившись, взирала на Кирилла. Внешне вполне безобидное создание, но именно такие трухлявые грибы обладают поразительной наблюдательностью.

– Да, молодой человек. Вы ведь из нашего дома?

– Разумеется, я из тридцать четвертой квартиры, – весело ответил Кирилл.

– Вот я гляжу, лицо знакомое... Вы не знаете, во сколько дадут горячую воду? Отключили два часа назад, а ее все еще нет.

Фомич понимающе кивнул и уверенно ответил:

– Пятнадцать минут назад я разговаривал со Степанычем, и он сказал, что воду дадут через час.

– Это который же из них двоих Степаныч? – насторожилась старуха.

– А тот, что в полосатой кепке, – с прежней уверенностью ответил Фомич, спускаясь.

– Ах вот оно что, – облегченно произнесла старуха, закрывая дверь.

Еще несколько напряженных шагов, и Фомич вышел на улицу, вычеркнув из памяти квартиру, а заодно и старуху, встреченную неожиданно на лестничной площадке.

Следующий адрес оказался неподалеку. Пройти-то всего квартал! Кирилл поймал себя на желании пройти расстояние быстрым шагом. Но следовало соблюдать хладнокровие, спешащий человек всегда вызывает повышенный интерес со стороны окружающих.

Вот и нужный подъезд.

Его встретила хлипкая дверь, которая к тому же была еще и распахнута – держалась всего-то на небольших петлях, готовых сорваться от легкого пинка.

При такой двери не следовало ожидать, что внутри будет нечто значительное. Оставалось непонятным, зачем им было нужно, чтобы он взламывал квартиры в предельный срок. Наняли бы с пяток домушников, вот и занимались бы подобными безобразиями. Но в одиночестве?.. Вряд ли отыщется безумец, способный вскрыть три квартиры в течение двух часов.

Мало заполучить стоящую «наколку», следовало разведать, какие именно люди проживают в этой хате, требовалось досконально знать их распорядок дня и разузнать наиболее подходящее время для проникновения.

Удача для вора нужна, но она должна быть хорошо подготовлена. На безумные поступки способен только неопытный чиграш, не державший серьезных денег.

Подъезд оказался грязным, по углам валялись кучи мусора. В нем не убирались, по крайней мере, полгода. Стены разрисованы пестрым граффити, а на вековой темно-зеленой краске крупными буквами нацарапаны признания в любви двадцатилетней давности. Наверняка у этих мелких пакостников появились уже внуки. А вот надписи по-прежнему кричащие. С надрывом. На такие откровенные душещипательные признания способна только слепая юность. Если не полениться и протопать до последнего этажа этого высотного здания, то можно будет встретить немало красноречивых надписей.

Своеобразная летопись подъезда.

Вверху что-то загрохотало и стало приближаться с дребезжащим звуком. Так могла громышать только небесная колесница, запряженная самим Зевсом. Следовало напрячь воображение, чтобы понять – спускался лифт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.